

**XII Международная
проблемно-методологическая конференция**

ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ВОСТОКА

10–12 октября 2022 г.

Тезисы и конспекты докладов

Москва, ИВ РАН
2022

Составители и ответственные редакторы выпуска:
Л. В. Горяева, В. Н. Настич

О-42 **XII Международная** проблемно-методологическая конференция «Текстология и источниковедение Востока». 10–12 октября 2022 г. / Тезисы и конспекты докладов / Сост. и отв. ред. Л.В. Горяева, В.Н. Настич. [*Электронная версия в формате PDF*]. — М.: ИВ РАН, 2022. — 108 с.

ISBN 978-5-907543-80-5

Сборник тезисов и конспектов докладов, заявленных для прочтения на XII Международной проблемно-методологической конференции «Текстология и источниковедение Востока», организованной сотрудниками Отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН и проводимой в Москве 10–12 октября 2022 г.

The present volume represents a collection of abstracts and synopses of papers delivered at the 12th annual Conference "Textology and Source Study of the East" organized in the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, and conducted by the staff of the Department of Oriental Written Sources (Moscow, 10–12 October 2022).

© Горяева Л. В., Настич В. Н.,
составление, 2022

© ФГБУН ИВ РАН, 2022

Содержание

От составителей	7
<i>Алпатов В. М.</i>	
Дионисий Фракиец, Бархударов и Крючков	9
<i>Бабкова М. В.</i>	
Учение Макуя о жизни и смерти	11
<i>Белкина Е. М.</i>	
Еврейские рукописи «Бухарской коллекции»: первые этапы изучения	13
<i>Бутолин В. Д.</i>	
«Календарный цикл» Мас‘уда Са‘да Салмана: доисламские истоки и жанровая структура	15
<i>Владимирова А. В.</i>	
Связи сквозь тексты: современные подходы к конструированию библиографических сетей	17
<i>Демихов А. О.</i>	
Таинственный мир пьесы «Бесовской пруд» Идзуми Кёка	19
<i>Дробышев Ю. И.</i>	
«От восхода до захода»: к проблеме подлинности ярлыка Чингис-хана	21
<i>Зарубина Е. Д.</i>	
«Эхо» Талмуда и культурное пространство венецианского еврея Нового времени на примере одного фрагмента	23
<i>Илюшина М. Ю.</i>	
Вакфийа султана аз-Захира Кансуха (1498–1500) как источник по истории и культуре мамлюкского Египта	25

<i>Казакевич О. А.</i>	
Традиция и инновации в эвенкийских песенных текстах «нового времени» (1930–1980 гг.)	27
<i>Качан С. А.</i>	
Римский император в образе солярного божества Ра	30
<i>Кириллова А. А.</i>	
Термины для обозначения кораблей в Ветхом Завете (ТаНа-Хе): семантика, контекстное употребление, этимология	33
<i>Клементьева Т. В.</i>	
Характерные особенности энциклопедического жанра <i>тун (u)</i> в древнекитайской литературе на примере сопоставления трактатов <i>Фэн су тун (u)</i> и <i>Бай ху тун (u)</i>	36
<i>Лахути Л. Г.</i>	
Небосвод как источник поэтических образов в персидской классической литературе	39
<i>Лахути С. В.</i>	
Механизмы связей сверхфразовых единств в поэтических посланиях из <i>Шах-наме</i> Фирдоуси	42
<i>Лидова Н. Р.</i>	
Концептуализация представлений о «вкусе» (<i>rasa</i>) в древней Индии	44
<i>Махачашвили З. В.</i>	
О влиянии авторитета античных авторов на современных ученых на основе изучения определения обелиска у Аммиана Марцеллина	46
<i>Микульский Д. В.</i>	
Версии рассказа об убиении противника пророка Мухаммада Ка'ба б. ал-Ашрафа в различных источниках	49
<i>Мишин Д. Е.</i>	
Анахронизмы в доисламской арабской поэзии	53

<i>Никитенко Е. Л.</i>	
«Причисли меня к друзьям Божиим»: нарративы мученической смерти в свидетельствах о себе в Иране XX в.	55
<i>Офертас С. Ч.</i>	
О существе предельного предмета: <i>Прамартхасара</i> Абхинавгупты	57
<i>Петряева А. А.</i>	
Японская календарная поэзия	60
<i>Пригарина Н. И.</i>	
Термин <i>taqlīd</i> и его жизнь в поэзии Мухаммада Икбала	63
<i>Рейснер М. Л.</i>	
Сад, дворец, красавица: жанровый диапазон описания (<i>васф</i>) в персидской классической поэзии XI–XV вв.	65
<i>Розов В. А.</i>	
Ду‘а’ и производные термины в Коране: контекстуальный и эмоциональный анализ	68
<i>Саитбатталов И. Р.</i>	
Газель Шамс ад-Дина Заки «Будет — не будет»: опыт филологического перевода	70
<i>Саитбатталова Ю. А.</i>	
Заимствования из русского языка в Четвероевангелии на башкирском языке 1902 года издания (на материале Евангелия от Матфея)	73
<i>Сафонова Н. В.</i>	
Особенности изучения народов Кавказа советскими и имперскими этнографами	76
<i>Серигов Н. И.</i>	
Абдаллах Кельзи и его перевод басен Крылова на арабский язык как учебное пособие	78

<i>Терехов А. Э.</i>	
Тематика фрагментов утраченного текста как результат его восприятия в традиции (на примере апокрифа <i>Мин ли сюй</i>)	83
<i>Тимохин Д. М.</i>	
Об одном позднем продолжении <i>Тарих ал-Вузара</i> Наджм ад-дина Абу-л-Резы ал-Кумми	85
<i>Торопыгина М. В.</i>	
«Мировая литература» в японской серии «Полное собрание мировой литературы» (1927–1932 гг.)	88
<i>Тюлина Е. В.</i>	
Представления о времени в текстах о пространстве (по материалам текстов по <i>вастувидье</i> из <i>пуран</i>)	91
<i>Фролова М.В.</i>	
Традиционный мотив путешествия в романах индонезийского писателя Хабибуррахмана эль Ширази (2000-е гг.)	94
<i>Ханмурзаев И. И., Османова М. Н.</i>	
Сведения биографического характера о Юсуфе-афанди ал-Йахсави (из маргиналий в рукописи, принадлежавшей ученому)	97
<i>Цветков Д. В.</i>	
Влияние китайской культуры на общественно-политические процессы в России XVIII в. на примере труда А. Л. Леонтьева «Китайские мысли»	102
<i>Чалисова Н. Ю.</i>	
Что в имени, или термин <i>pahlavī</i> в контекстах и переводах	104
<i>Юдицкая Е. А.</i>	
Ремарка <i>ityardhokte</i> (досл. «так сказано наполовину») в классической санскритской драме	106

От составителей

Нынешняя конференция «Текстология и источниковедение Востока» — двенадцатая по счёту. Когда в уже далёком 2010 году мы, группа сотрудников Отдела памятников письменности народов Востока ИВРАН, собирались на первое заседание проблемно-методологического семинара, а спустя год — и на свою полноформатную конференцию, мы едва ли могли предположить, что наша скромная инициатива найдёт поддержку в столь широком круге коллег-востоковедов разных специальностей, занимающихся изучением первоисточников: памятников письменности, археологических артефактов, предметов искусства, нумизматических раритетов и других восточных древностей — материальных и документальных свидетельств минувших эпох. Но очень скоро стало ясно, что обойтись «одноразовой акцией» подобного рода было бы нерационально.

Внимательные коллеги, очевидно, уже заметили, что название нашей конференции изменено. Дело в том, что словосочетание «Письменные памятники Востока» с недавних пор официально зарегистрировано руководством Института восточных рукописей (ИВР РАН, Санкт-Петербург) в качестве «словесного товарного знака» (знака обслуживания) для журнала, издаваемого нашими питерскими коллегами. Отныне все мероприятия и публикации по аналогичной тематике, во избежание возможной путаницы в наименованиях изданий, нам придётся именовать иначе: в частности, ежегодная конференция, которая с 2014 года проходила под названием «Письменные памятники Востока: проблемы перевода и интерпретации», впредь будет именоваться так же, как наш постоянный семинар — «Текстология и источниковедение Востока».

Отрадно видеть, что далеко не все исследователи из нынешнего молодого поколения востоковедов избирают предметом своих штудий конъюнктурно востребованные, но не всегда научно обоснованные «горячие» темы сегодняшней политики, а предпочитают пристальнее взглянуть на более отдалённое прошлое стран Азии и Африки, подчас диктующее свои правила государствам XXI века. Сегодня, когда «возвращение к истокам» принимает самые разнообразные формы, как на Востоке, так и в мире в целом, внимание к письменному наследию прошлого более чем уместно. Особенно нас воодушевляет то, что из года в год, наряду с нашими постоянными авторами — москвичами и петербуржцами, востоковедами из Казани, Махачкалы, Уфы, Элисты, Амстердама и Шанхая, берут слово молодые специалисты новой генерации и множится число желающих выступить на нашем ежегодном форуме.

Л. В. Горяева, В. Н. Настич

В. М. Алпатов

(ИЯз РАН)

Дионисий Фракиец, Бархударов и Крючков

Ключевые слова: лингвистическая традиция; греческий язык; русский язык; лингвистическое образование; фонетика; грамматика; слово; часть речи

Общеизвестно, что мировая наука о языке основывается на европейской традиции, имеющей античные истоки. Первоначально эта традиция не была самой развитой, но в силу мирового исторического процесса вся наука последних столетий, включая науку о языке, приобрела такой характер, хотя языкознание включило в себя некоторые понятия индийской и семитских традиций. Разумеется, за более чем две тысячи лет мировая наука о языке значительно изменилась, однако некоторые черты античной традиции могли сохраниться.

В докладе рассматриваются два текста, отделенных друг от друга более чем двумя тысячелетиями. Первый текст — древнейшая дошедшая до нас античная грамматика Дионисия Фракийца, написанная в конце II в. до н. э. в Александрии (я буду опираться на русский перевод А.И. Доватура). Второй текст — школьный учебник фонетики и морфологии русского языка С.Г. Бархударова и С.Е. Крюčkова, по которому в советское время училось не одно поколение (ссылки на 9-е издание 1962 г.). В литературе такого рода, как правило, закрепляется некоторая сложившаяся традиция изучения соответствующего языка. Учебник отражает, прежде всего, некоторые массовые представления русской традиции середины XX в., создававшиеся разными языковедами.

Vladimir M. Alpatov

(IL RAS)

Dionýsios, Barkhudarov and Kryuchkov

Keywords: linguistic tradition; Greek; Russian language; linguistic education; phonetics; grammar; word; part of speech

It is generally known that the world science of language is based on the European tradition, which has ancient origins. Initially, this tradition was not the most developed, but due to the world historical process, the entire science of recent centuries, including the science of language, acquired such a character, although linguistics included some concepts of the Indian and Semitic traditions. Of course, for more than two thousand years, the world science of language has changed significantly, but some features of the ancient tradition could be preserved.

The paper deals with two texts, separated from each other by more than two millennia. The first text is the oldest extant ancient grammar of Dionysius the Thracian, written at the end of the II century BC in Alexandria (I will rely on the Russian translation by A.I. Dovatur). The second text is a school textbook of phonetics and morphology of the Russian language by S.G. Barkhudarov and S.E. Kryuchkov, according to which more than one generation studied in Soviet times (links to the ninth edition of 1962). In literature of this kind, as a rule, some established tradition of learning the corresponding language is fixed. The textbook reflects, first of all, some mass representations of the Russian tradition of the middle of the twentieth century, created by different linguists.

М. В. Бабкова

(ИБ РАН)

Учение Макуя о жизни и смерти

Ключевые слова: Макуя; Икуро Тэсима; Догэн; жизнь и смерть

Люди обречены вечно балансировать на грани между жизнью и смертью. Так устроен мир, с точки зрения Икуро Тэсимы, основателя японского неохристианского движения «Макуя». В 1956 г. он прочел проповедь, опубликованную на английском языке под названием «Вечно на грани между жизнью и смертью» («Standing on the Eternal Shore between Life and Death»). Текст представляет собой толкование псалма 90 (89), «Молитвы Моисея человека Божия». Внимательный анализ интерпретации Тэсимы показывает, что на его восприятие влияет не только его христианское вероисповедание и знакомство с «западной» культурой, но и образ мышления, выдающий в нем носителя культуры Японии, в том числе, включающий опору на базовые установки дзэн-буддизма. Доклад посвящен личности Икуро Тэсимы, истории развития и вероучению движения «Макуя», а также ответу на вопрос о том, в чем именно заключаются особенности толкования Тэсимой Священного Писания. Сравнение с трактатом дзэнского мыслителя Догэна (1200-1253) «Жизнь и смерть» показывает, что для обоих авторов в центре внимания находится граница между двумя состояниями, а категории непостоянства, текучести бытия являются определяющими. При этом если для Догэна переход между жизнью и смертью носит технический характер, а экзистенциальную значимость приобретает переход от непросветленного состояния к сатори, то у Тэсимы происходит терминологическая подмена: на месте жизни просветленного человека оказывается вечная жизнь души, обретаемая после физической смерти.

Maya V. Babkova

(IOS RAS)

Makuya Teaching about Life and Death

Keywords: Makuya; Ikuro Teshima; Dōgen; life and death

People's fate is to always balance on the verge between life and death. That's the way the world wags, from the point of view of Ikuro Teshima, the founder of the Japanese neo-Christian movement Makuya. In 1956 he gave a sermon published in English under the title "Standing on the Eternal Shore between Life and Death". The text is an interpretation of Psalm 90 (89), "The Prayer of Moses the Man of God." A careful analysis of Teshima's interpretation shows that his perception is influenced not only by his Christian faith and familiarity with "Western" culture, but also by a way of thinking of a man of Japanese culture, including reliance on some basic principles of Zen Buddhism. The paper is addressed to the personality of Ikuro Teshima, the history of development and the dogma of the Makuya movement, as well as to the answer to the question of what exactly are the features of Teshima's interpretation of the Holy Scriptures. Comparison with the treatise of the Zen thinker Dōgen (1200-1253) "Life and Death" ("Shōji") shows that for both authors the focus is on the border between two states, and the categories of impermanence, fluidity of being are decisive. But for Dōgen the transition between life and death is only technical, and the transition from an unenlightened state to satori has existential significance. And for Teshima there is a terminological substitution: in the place of the life of an enlightened person there is the eternal life of the soul, acquired after physical death.

Е. М. Белкина
(СПбГУ; ИВР РАН)

Еврейские рукописи «Бухарской коллекции»: первые этапы изучения

Ключевые слова: Бухарские евреи; рукописи; иврит; еврейско-персидский язык; Санкт-Петербург

В 1915 г. фонд рукописей в Азиатском музее (ныне ИВР РАН) пополнился крупной коллекцией памятников, привезенных специально по заказу К.Г. Залемана В.А. Ивановым из Бухары. Он дважды посетил город в поисках интереснейших материалов и лучших предложений о покупке и, помимо основных для него мусульманских источников, выкупил у бухарских евреев ряд рукописей на иврите и еврейско-персидском языках. Будучи в основном источниками Нового времени, эти материалы долгое время оставались вне интереса исследователей: с 1960-х гг. палеографы фокусировались в основном на средневековых рукописях Петербурга, т. к. здесь хранятся самые ранние сохранившиеся кодексы, а более поздние источники редко оказывались чем-то настолько же уникальным. Только в момент поступления памятников в Азиатский музей А.А. Фрейман опубликовал аннотированный список еврейско-персидских памятников, включив в него метаданные о прошлых или современных ему публикациях текстов, содержащихся в рукописях. В конце же XX в. все памятники были сфотографированы израильянами, но полноценного исследования не последовало. В настоящем докладе будут предложены первые результаты изучения всего корпуса еврейских рукописей коллекции, их палеографического и источниковедческого анализа. На основании этих данных получится ввести источники в научный оборот и учесть их в сравнительном анализе вместе с другим наследием бухарских евреев.

Ekaterina M. Belkina

(SPbSU; IOM RAS)

Jewish Manuscripts of the "Bukhara Collection": initial stages of study

Keywords: Bukharan Jews; manuscripts; Hebrew; Judeo-Persian; St. Petersburg

In 1915, a significant collection of written monuments, brought to St. Petersburg — by a special order of C. Salemann — by V.A. Ivanov from Bukhara, enlarged the manuscript collection at the Asian Museum (now IOM RAS). Ivanov visited the city twice in search of the most interesting manuscripts and the best purchase offers and, in addition to the Muslim sources which were preferable to him, he bought a number of manuscripts in Hebrew and Judeo-Persian from Bukharan Jews. Given that they are mostly produced in the Modern Era, the manuscripts have long remained out of the interest of researchers: since the 1960s, the researchers of the Palaeography Project in Israel have focused mainly on medieval manuscripts (especially in St. Petersburg), while the Modern sources rarely turned out to be something so unique. Only when the Asian Museum received the collection, A.A. Freiman published an annotated list of Judeo-Persian manuscripts, including metadata about past or contemporary publications of texts of those manuscripts. At the end of the 20th century, all the monuments were microfilmed by the Israeli researchers, but a comprehensive study never followed. This paper will offer the first results of my study of the entire Hebrew and Judeo-Persian collection, their palaeographic and source analysis. Based on these data, it will be possible to introduce the sources into scientific circulation and take them into account in a comparative analysis together with other heritage of Bukharan Jews.

В. Д. Бутолин
(ИКВиА НИУ ВШЭ)

«Календарный цикл» Мас'уда Са'да Салмана: доисламские истоки и жанровая структура

Ключевые слова: Мас'уд Са'д Салман; зороастрийский календарь; персидская придворная *касыда*

Мас'уд Са'д Салман (ум. 1121–22.), одна из центральных фигур домонгольского периода в истории классической персидской поэзии, известен своим новаторством в использовании стихотворных форм и жанров. В частности, он является автором уникального для корпуса персидской поэзии цикла панегирических стихотворений «Персидские месяцы, дни месяца и дни недели», представляющих собой задравные тосты повелителю: 12 стихов на каждый месяц года, 30 стихов на каждый день зороастрийского месяца и 7 стихов на каждый день недели. Генетические корни этого цикла возможно проследить вплоть до времён Барбада, легендарного придворного певца шахиншаха Хусрава Парвиза (590–628 н. э.). Также произведения цикла явно перекликаются с зороастрийскими представлениями о существовании надлежащего вида деятельности для каждого дня месяца.

В первой части данного доклада планируется соположить сведения о Барбаде и его «Поющем календаре» с поэтической ситуацией газневидского двора, частично унаследовавшем санидскую традицию придворного пира. Во второй части доклада будет рассмотрена жанровая структура миниатюрных панегирических *касыд*, составляющих этот цикл, а также репрезентация в ней ритуально-бытового применения зороастрийского календаря.

Vladimir D. Boutoline

(IOCS NRU HSE)

The Calendar cycle by Mas‘ud-i Sa‘d-i Salman: pre-Islamic origins and generic structure

Keywords: Mas‘ud-i Sa‘d-i Salman; Zoroastrian calendar; Persian court *qasida*

Mas‘ud Sa‘d Salman (d. 1121–22) is one of the central figures of the pre-Mongolian period in the history of classical Persian poetry, known for his innovation in the use of poetic forms and genres. In particular, he authored the cycle of panegyric poems “Persian months, days of the month and days of the week”, which genuinely is a collection of toasts to the ruler’s health and well-being: 12 verses for each month of the year, 30 verses for each day of the Zoroastrian month and 7 verses for each day of the week. Such a cycle is probably an hapax legomenon in the history of Persian poetry. The genetic roots of this cycle can be traced back to the time of Barbad, the legendary court singer of the Shahinshah Khusraw Parviz (590–628 A. D.). Also, the poems of the cycle clearly echo Zoroastrian ideas about the existence of a proper type of activity for each day of the month.

In the first part of this report, it is planned to compare information about Barbad and its "Singing Calendar" with the poetic environment at the Ghaznavid court, which partly inherited the Sasanian court feast tradition. The second part of the report considers the genre structure of the miniature panegyric *qasidas* that make up this cycle; the representation of the ritual and everyday use of the Zoroastrian calendar in the poems is also under discussion.

А. В. Владимирова

(ИБ РАН)

Связи сквозь тексты: современные подходы к конструированию библиографических сетей

Ключевые слова: анализ текстов; анализ литературы; сетевой анализ; востоковедение

Анализ связей между текстами давно стал неотъемлемой частью науки о сетях и сейчас соответствующий инструментарий можно найти не только в R и Python, но и во многих популярных программах для качественного анализа данных, например, в ATLAS.ti или NVivo. Однако, в отечественном востоковедении исследования, проведенные с использованием сетевого анализа, все еще встречаются редко и не вызывает сомнений, что необходимо более активно продвигать его в нашем научном сообществе. Поэтому рамках этого доклада видится особенно важным представить систематизированный обзор наиболее популярных подходов в области сетевого анализа исторических источников и литературы, включая примеры конструирования сетей на основе мультимодальных текстов.

Alina V. Vladimirova

(IOS RAS)

Ties through texts: current approaches to bibliographic networks construction

Keywords: text analysis; systematic literature review; network analysis; oriental studies

The analysis of links between texts has long been an inevitable part of network science. Now the corresponding tools can be found not only in R and Python, but also in many popular programs for qualitative data analysis, for example, in ATLAS.ti or NVivo. However, in

Russian oriental studies, it still rare to see a publication with a network analysis of texts and seems that it is necessary to promote these methods more actively in our scientific community. Therefore, the main aim of this presentation is to introduce a systematic review of the most popular approaches in the field of network analysis of historical sources and literature, including cases with network construction based on multimodal texts.

А. О. Демихов

(Кубанский Государственный Университет)

**Таинственный мир пьесы «Бесовской пруд»
Идзуми Кёка**

Ключевые слова: Идзуми Кёка; *каннэн сёсэцу*; романтизм в литературе; японский фольклор

«Бесовской пруд» (夜叉ヶ池) был написан в 1913 году, однако в годы после оккупации Японии пьесу вспоминают и начинают ставить в театрах, а в 1979 году и в 2005 году были сняты фильм по её мотивам. В задачи исследования входил перевод данного произведения, его литературоведческий анализ, который бы помог понять актуальность пьесы в Японии на протяжении долгого времени, и рассмотрение «Бесовского пруда» в контексте японской культуры. Идзуми Кёка создаёт бытовой мир, отягощённый социальными стереотипами, и сталкивает его с мрачно-мистическим, мифическим миром. Такой подход к построению мира в произведении был позднее выделен как самодостаточный жанр, сходный романтизму Эдгара По.

В пьесе присутствуют мифические персонажи, такие как краб, карп или даже не свойственные старинным японским легендам тени-*кагэбо:си* и скелет. Но все персонажи живут осознанно, ссылаясь на разнообразные популярные произведения прошлых эпох, начиная сказками *мукаси-банаси*, такими как *Момотаро*, и заканчивая пьесами Но, как, например, *Хатиноки*. Кроме того, Гакуэн, один из главных персонажей, является бродячим писателем, записывающим странные рассказы и сказки. Примечательно, что народная сказка про зачарованную булочку *ботамоти*, которую он полностью пересказывает в пьесе, является подлинной. Таким образом, можно сказать, что пьеса представляет сборник мифов, народных сказок и легенд Японии, отчего на протяжении долгого времени произведение остаётся актуальным.

Anton O. Demikhov
(Kuban' State University)

**The mysterious world of Izumi Kyōka's play
"The Demon Pond"**

Keywords: Izumi Kyōka; *kannen shosetsu*; romanticism in literature; Japanese folklore

"The Devil's Pond" (夜叉ヶ池) was written in 1913, but in the years following the occupation of Japan, the play once again started playing in theatres and films based on it were shot in 1979 and 2005. The aim of the study was to translate the work, analyze it as a literature entity in order to understand its relevance in Japan over time, and place "The Demon Pond" in the context of Japanese culture. Izumi Kyōka creates a mundane world burdened by social stereotypes and confronts it with a gloomy mystical world. This approach to worldbuilding in his works was later highlighted as a self-sufficient genre, akin to Edgar Poe's dystopian romanticism.

There are fabulous characters in the play, such as the crab, the carp and others. For example, the shadows-*kagebōshi* and the skeleton are not typical of old Japanese legends. But all the characters live consciously, frequently referring to a variety of popular works from past periods, from *mukashi-banashi* tales, such as *Momotarō*, to Noh plays, such as *Hachinoki*. In addition, Gakuen, one of the main characters, is a wandering writer who records weird tales and stories. Remarkably, the folk tale of the enchanted bun *botamochi*, which he retells in its entirety in the play, is authentic. Thus, the play can be said to be a compilation of myths, folk tales and legends of Japan, from which it still remains relevant.

Ю. И. Дробышев

(ИВ РАН)

«От восхода до захода»: к проблеме подлинности ярлыка Чингис-хана

Ключевые слова: Чингис-хан; ультиматум; «весь мир»

В сочинении Ата-Мелика Джувейни «История покорителя мира» приводится самый ранний из ультиматумов, в котором звучат монгольские претензии на обладание всем миром. Он был передан в Нишапур в 1220 г.: «Пусть эмиры и великие и многочисленные простые люди знают это, что... все лицо земли от восхода солнца до его захода я дал тебе. Поэтому всякому, кто подчинится, будет явлена милость, а также его женам, детям и домашним; но кто не подчинится, тот погибнет вместе со всеми своими женами, детьми и родственниками». Есть мнение, что слова ультиматума — анахронизм. Мы полагаем, что подвергать их сомнению нет причин.

1. Являясь крупным чиновником на монгольской службе, Джувейни мог лично видеть копию ярлыка.
2. Аналогичный смысл заложен в других ханских посланиях XIII в.
3. Это выражение дважды встречается в памятнике ранней монгольской историографии — «Сокровенном сказании монголов».
4. Тюркоязычная руника используют образ солнечного хода для передачи идеи о подчинении каганами «всего света».
5. У монголоязычных народов ось «восток — запад» имела особую значимость. Именно в степи этот образ наглядно показывает беспредельность мира.

Итак, скорее всего, текст ярлыка, процитированный Джувейни, был аутентичным или, во всяком случае, максимально адекватно передавал образы, в которых монголы выражали свои требования в начале 1220-х гг.

Yuliy I. Drobyshev

(IOS RAS)

**“From sunrise to sunset”: to the problem of authenticity
of Genghis Khan’s *yarlyq***

Keywords: Genghis Khan; ultimatum; “the whole world”.

Ata-Melik Juvaini’s work “The History of the World-Conqueror” contains the earliest of the ultimatums, in which the Mongol claims sound to possess the whole world. It was transferred to Nishapur in 1220: “Let the emirs and great ones and the numerous common people know this that... all the face of the earth from the going up of the sun to his going down I have given it unto thee. Whosoever, therefore, shall submit, mercy shall be shown unto him and unto his wives and children and household; but whosoever shall not submit, shall perish together with all his wives and children and kinsmen”. There is an opinion that the words of the ultimatum are an anachronism. We believe there is no reason to question them.

1. Being a major official in the Mongolian service, Juvaini could personally see a copy of the *yarlyq*.
2. A similar meaning is laid down in other khan’s messages of the XIII century.
3. This expression occurs twice in the monument of early Mongolian historiography — “The Secret History of Mongols”.
4. The Turkic-speaking runic uses the image of the solar course to convey the idea of the subordination of “the whole world” to qaghans.
5. Among the Mongolian-speaking peoples, the “east-west” axis was of particular importance. It is in the steppe that this image clearly shows the boundlessness of the world.

So, most likely, the text of *yarlyq* quoted by Juvaini was authentic or, in any case, most adequately conveyed the images in which the Mongols expressed their demands in the early 1220s.

Е. Д. Зарубина

(ИБ РАН)

**«Эхо» Талмуда и культурное пространство
венецианского еврея Нового времени
на примере одного фрагмента**

Ключевые слова: рукопись; цитатность; «эхо»; еврейская община; Венеция; XVI–XVII вв; Братство соблюдающих утро

Наличие различного типа отсылок характерно для еврейских текстов досовременного периода. По одной из существующих классификаций, такие отсылки могут быть разделены на «цитаты», «аллюзии» и «эхо» в зависимости от прочности связи с конкретным местом исходного текста.

В настоящем докладе на примере фрагмента из устава «Братства соблюдающих утро» (Венеция, XVI–XVII вв.) рассматривается случай «эха», предположительно восходящего к талмудическим трактатам *Ктубот* и *Бава мециа*. Данный фрагмент представляет особый интерес, поскольку может быть проинтерпретирован двояко: с учетом контекста трактатов и в отрыве от них. Многочисленные «эхо» подобного характера представляются отличительной чертой культурного пространства, частью которого являлись составители устава «Братства». В рамках этого пространства происходил как процесс прямого взаимодействия с классическими еврейскими текстами, отраженный в других местах устава, так и процесс создания новых смыслов, в рамках которого происходила трансформация «эхо». Характер таких «эхо», раскрытый на примере упомянутого фрагмента, помогает понять особенности культурного пространства, частью которого были члены «Братства соблюдающих утро».

Evgeniya D. Zarubina

(IOS RAS)

**A Talmudic “echo” and cultural space
of the early modern Venetian Jew
based on one fragment**

Keywords: manuscript; citations; “echoes;” the Jewish community; Venice; 16-17th century; *Hevrat Shomerim la-Boker*

The presence of the various types of references is characteristic of the premodern Jewish texts. According to one of the existing classifications, such references can be divided into “citations,” “allusions,” and “echoes,” depending on the strength of connection with a particular place in the initial text.

The present paper analyzes one of such “echoes” supposedly originating from Talmudic treaties *Ketubbot* and *Bava Metzia* and reflected in the charter of the *Hevrat Shomerim la-Boker* (Venice, active circa 16–17th cts.). This fragment is particularly insightful because of its double-fold interpretation — one including Talmudic contexts and another excluding them. Numerous “echoes” with the same characteristics seem to distinguish the cultural space shared by the “Hevrat” charter compilers. This cultural space was home to direct interactions with classical Jewish texts reflected in other charter parts as well as to the process of creating new meanings, which included the transformation of “echoes.” The understanding of such “echoes” based on one charter fragment offers an insight into the cultural space shared by the members of *Hevrat Shomerim la-Boker*.

М. Ю. Илюшина

(ИКВиА НИУ ВШЭ, С.-Петербург)

***Вакфийа* султана аз-Захира Кансуха (1498–1500)
как источник по истории и культуре
мамлюкского Египта**

Ключевые слова: Египет; *вакф*; Султанат мамлюков; султан аз-Захир Кансух

Вакуфные земли (т.е. необлагаемые налогом, доходы от которых передавались, преимущественно на благотворительные цели), к началу XVI в. составляли, по оценкам исследователей более $\frac{1}{3}$ всего земельного фонда Султаната мамлюков (1250–1517). Документы об учреждении вакфов — *вакфийи* — содержат, как правило, подробную информацию об имуществе и землях, которые передаются в *вакф*, в том числе, об их стоимости, а также детальное описание распределения доходов от вакфа, что позволяет рассматривать такие документы как ценнейший исторический источник.

К числу редких, неопубликованных и ранее не исследованных вакуфных документов мамлюкской эпохи, относится *вакфийа* султана аз-Захира Кансуха. Документ датируется 908/1502 г. и хранится в настоящее время в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Документальные свидетельства, касающиеся деятельности аз-Захира Кансуха, в отличие от источников документального характера, имеющих отношение к периоду правления других султанов, *вакфийи* которых насчитываются десятками и хорошо известны мамлюковедам, до сих пор не были введены в научный оборот. Особенно примечательно, что *вакфийа* аз-Захира Кансуха была составлена уже после того, как этот султан с судьбой, довольно необычной даже для получавших власть не по наследству Бурджитов (1382–1517), был вынужден покинуть трон.

Milana Yu. Ilyushina

(IOCS NRU HSE, St. Petersburg)

***Waqfiyah* of Sultan al-Zahir Qansuh (1498–1500)
as a source on the history and culture of Mamluk Egypt**

Keywords: Egypt; Mamluk Sultanate; *waqf*; Sultan al-Zahir Qansuh

By the beginning of the 16th century Waqf properties (nontaxable pious endowments, the income from which was transferred, mainly for charitable purposes) were more than $\frac{1}{3}$ of the entire land fund of the Mamluk Sultanate (1250–1517). Waqf deeds — *waqfiyahs* — provide detailed information about the property and lands that were donated, including their value and particular physical description, specify disbursements of incomes and list institutions and persons designated as beneficiaries. We may thus consider *waqfiyahs* as a significant source for the economic and social history of Egypt during the Mamluk period. *Waqfiyah* of Sultan al-Zahir Qansuh is a rare, unpublished and unexplored waqf document, dated 908/1502. It is kept in the Department of Manuscripts of the Russian National Library in St. Petersburg.

О. А. Казакевич

(ИЯз РАН; РГГУ)

Традиция и инновации в эвенкийских песенных текстах «нового времени» (1930–1980 гг.)

Ключевые слова: эвенкийский язык; эвенкийские песни; традиция; инновации; образная система песенного фольклора

В докладе речь пойдет о традиционных и новых, возможно, заимствованных образах в текстах эвенкийских песен «нового времени» (с 1930-х годов — начала колхозного строительства — и до 1980-х). В качестве исходного материала взяты песни, записанные летом 2022 г. в селе Усть-Нюкжа (Тындинский район Амурской области) от его жительницы Капиталины Ивановны Габышевой, 1960 г.р., которые дополнены более ранними записями, сделанными в других местах на территории проживания эвенков, а также текстами из нескольких опубликованных сборников эвенкийских песен.

Капиталина Ивановна не только хорошо владеет эвенкийским языком, что сегодня, увы, встречается не так часто даже в ее поколении, но и помнит песни, которые слышала в детстве от своих родителей и сама поет на протяжении всей своей жизни. Среди этих песен есть вполне традиционные личные песни, но есть и песни «нового времени»: песня о Ленине, песня о молодых ребятах, не вернувшихся с войны.

Приведу здесь по одному примеру традиционного и, возможно, заимствованного образа из текстов песен. Традиционный эвенкийский образ — ‘огонь солнца’. Вот начало эвенкийской веснянки:

dəlatʃa:	toyo-n	ɲama-l-l-a-n
солнце	огонь-POSS.3SG	теплый-VBLZ-INCH-EP-3SG

= ‘Солнце (букв. солнца огонь) начал греть’.

А это строки из «Старой песни»:

Lenin	gun-n-ə-n	tura-ja-l-wa-n
Ленин	сказать-PRES-EP-3SG	слово-MEL-PL-ACC-POSS.3SG
ullə-n	sə:ksə-n	namara:-tʃa:
мясо-POSS.3SG	кровь-POSS.3SG	соединиться-PST.3PL

= 'Ленин говорил свои слова (заветы), плоть его, кровь его соединились (в этих словах).'

Olga A. Kazakevich

(IL RAS; RSUH)

Tradition and innovations in the texts of Evenki songs of the “new times” (1930–1980)

Keywords: Evenki language; Evenki songs; tradition; innovations; image system of song folklore

The paper presents traditional and new, possibly borrowed images in the texts of Evenki songs of the “new times” (from the 1930s, resp. the beginning of the collectivization, up to the 1980s). We started with the songs recorded in the summer 2022 in the village of Ust'-Niukzha (Tynda district, Amur region) from its resident Kapitalina Ivanovna Gabysheva, born in 1960, which were then supplemented with earlier recordings done in other settlements with Evenki population, as well as texts from several published collections of Evenki songs.

Kapitalina Ivanovna is not only a highly competent speaker of Evenki, which is not so often today even among the representatives of her generation, but she remembers songs heard in her childhood from her parents and sings them herself all her life through. Among those songs there are quite traditional personal songs, but songs of the “new times” also can be found, e.g. Lenin song, a song about the young who never returned from the war.

Here I'll give you two examples: one of a traditional image and another of an image possibly borrowed from the source language (Russian).

A traditional Evenki image of 'the fire of the sun' can be seen in a spring song:

dəlatʃa:	toyo-n	ɲama-l-l-a-n
sun	fire-POSS.3SG	warm-VBLZ-INCH-EP-3SG

= 'The sun (lit. the sun's fire) began to warm'.

And here are lines from a Lenin song:

Lenin	gun-n-ə-n	tura-ja-l-wa-n
Lenin	said-PRES-EP-3SG	word-MEL-PL-ACC-POSS.3SG
ullə-n	sə:ksə-n	namara:-tʃa:
meat-POSS.3SG	blood-POSS.3SG	connect-PST.3PL

= 'Lenin told his words (precepts), his flesh, his blood connected (in these words)'.

С. А. Качан

(независимый исследователь, Москва)

Римский император в образе солярного божества Ра

Ключевые слова: римский императорский культ; римский Египет; бог Ра; император

Традиционно египетский правитель выступал в качестве земного воплощения египетских богов и посредником между мирами людей и божеств. С установлением господства Рима в долине реки Нил данные идеи продолжали существовать. В этом исследовании будут изучены следующие проблемы: как воплощались идеи отождествления римского императора с египетским богом Ра, какие параллельные идеи сопровождали контаминацию правителя Рима с этим божеством, что позволяло легитимизировать власть императора в долине реки Нил.

Египетские жрецы стремились связать образ римского правителя с солярным божеством. Так, в стеле из деревни Ксоис (Египетский музей, Каир, инв. № JE 45702) говорится: (*R^c hrd šps hpr šn...s.t R^c m hb r^c=f hb nsw-bity nb t3.wy s3 Imn stp n Pth hk3 hk3.w s3 R^c Kysrs pz ntr d.t*) «Ра-ребенок, почтенный, становящийся (солнечным) кругом...(это) место Ра, которое в его празднике вечно (при) царе Верхнего и Нижнего Египта, господине Обеих Земель (Египет), сыне Амона, избранном Птахом, владыке владык, сыне Ра, Цезаре, боге, вечно». Этот текст показывает, что римский император уподоблялся солярному божеству, который выступает в образе бога-ребенка-солнца. Идеи о боге-ребенке в образе новорожденного солнца уходят своими корнями в представления о ежедневном появлении солнечного диска из лотоса (Plut. De Iside et Osiride. 11), или рождении в образе быка. Представления о рождении божественного дитя, ритуальное появление на свет которого воспринималось как перерождение самого правителя, что способствовало обновлению мира, торжества справедливого порядка вещей — Маат, отмечались в малых хра-

мах-маммизи греко-римского времени. Солнечное божество Гелиос-Ра рассматривался как верховный бог, непобедимый и устанавливающий свое господство над всем миром (PGM. IV. 1635–1640), а отождествление римского императора с солярным богом утверждало представления о непобедимости правителя Рима и вечности римского господства.

Sergey A. Kachan

(independent researcher, Moscow)

Roman emperor in the image of the solar deity Ra

Keywords: Roman imperial cult; Roman Egypt; god Ra; emperor

Traditionally the Egyptian ruler acted as the earthly incarnation of the Egyptian gods and mediator between the worlds of people and deities. In the time of Roman domination in the Nile River valley these ideas continued to exist. This study will explore the following problems: how did the ideas of identifying the Roman emperor with the Egyptian god Ra implement, which did parallel ideas accompany the contamination of the ruler of Rome with this deity that made it possible to legitimize the power of the emperor in the Nile River valley.

The Egyptian priests sought to associate the image of the Roman ruler with a solar deity. Thus, in a stele from the village of Xoïs (Egyptian Museum, Cairo, Inv. No. JE 45702) it says: (*R^c ḥrd šps ḥpr šn...s.t R^c m ḥb r^c=f ḥb nsw-bity nb t3.wy s3 Imn stp n Pth ḥk3 ḥk3.w s3 R^c Kysrs p3 ntr d.t*) “Ra is a child, venerable, becoming a (solar) circle ... (this is) the place of Ra, who is in his eternal holiday (under) the king of Upper and Lower Egypt, the lord of the Two Lands (Egypt), the son of Amon, chosen by Ptah, the lord of lords, the son of Ra, Caesar, God, forever”. This text shows that the Roman emperor was likened to a solar deity, who appears in the form of a child-sun god. The idea about the child-god in the form of a newborn sun has its roots in the daily appearance of the solar disk from a lotus (Plut. De Iside et Osiride. 11), or birth in the form of a bull. Ideas about the birth of a divine child,

whose ritual birth was perceived as the rebirth of the ruler himself that contributed to the renewal of the world, the triumph of the just order of things — Maat were celebrated in small temples-mammisi of Greco-Roman times. The solar deity Helios-Ra was regarded as the supreme god, invincible and establishing his dominance over the whole world (PGM. IV. 1635–1640), and the identification of the Roman emperor with the solar god affirmed the idea of the invincibility of the ruler of Rome and the eternity of Roman domination.

А. А. Кириллова

(Ияз РАН)

Термины для обозначения кораблей в Ветхом Завете (ТаНаХе): семантика, контекстное употребление, этимология¹

Ключевые слова: Библия; библеистика; семитские языки; сравнительно-историческое языкознание

В тексте ТаНаХа засвидетельствовано несколько терминов, значение которых реконструируется как «корабль» и которые употреблялись в отношении регулярных регулярных транспортных средств, то есть флота (в отличие от Ноева ковчега, который стоит особняком в силу своей уникальности). К таковым относятся: *’ōnī* / *’ōnīyā*, *ṣīyūīm*, *sārīna*. Самым частотным по употреблению в текстах Ветхого Завета является термин *’ōnīyā* (встречается также форма *’ōnī*) или *’ōnīyōt* (в форме мн. ч.). Это слово встречается во всех частях ТаНаХа, в отличие от других лексем, отмеченных нами к рассматриваемому полю кораблей. Толкование термина *ṣīyūīm* затруднено ввиду следующих обстоятельств: прежде всего, форма является нестабильной по написанию (есть вариант *ṣīm*), что закономерно рождает предположения об ошибке переписчика (как в случае с Иез 30:9). Помимо этого, в текстах (например, в Ис.34:14) встречается полный омоним для термина *ṣīyūīm*, семантика которого является «темной» и восстанавливается, преимущественно, по данным ранних переводов Библии и лексике родственных языков. Что же касается термина *sārīna*, то он является *hara* legomenon в корпусе ТаНаХа и засвидетельствован только в Книге Ионы, которая сама по себе пред-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 20-18-00159); организация, осуществляющая финансирование — Институт языкознания Российской академии наук (ИЯЗ РАН).

ставляет особый интерес как с точки зрения лексикологии, так и в плане представленных в ней сюжетов.

Образ корабля является одним из ключевых для западной христианской традиции. Цепочка сюжетов «Ноев ковчег-история пророка Ионы-лодка Св. Петра» оказала значительное влияние на формирование традиций христианского искусства.

Anastasiya A. Kirillova

(IL RAS)

Terms of the ship in the Old Testament (Tanakh): meaning, context use, etymology

Keywords: Bible; Bible studies; Semitic languages; comparative linguistics

There are several terms in the text of the Old Testament (Tanakh). Their meaning can be reconstructed as ‘ship’ and they were used in regard to the regular maritime vessels, i.e. the navy (in contrast to Noah’s ark that should be studied separately due to its uniqueness). The following words will be studied within the framework of this report: *’ōnī / ’ōnīyā, ṣīyyīm, sēpina*. The terms *’ōnīyā* (the form *’ōnī* can be found as well) or *’ōnīyōt* (plural form) are used more frequently in the text of the Hebrew Bible. These words are presented in all the parts of the Tanakh, unlike other terms that are included in the semantic field in question. The word *ṣīyyīm* can be interpreted with considerable difficulties due to the following circumstances. First of all, this word has unstable wording (the form *ṣīm* is also attested), and because of this a writer’s error can be suspected here (this relates to Ez 30:9). Besides, the term *ṣīyyīm* has the complete homonym (for example, in Is 34:14), its meaning is ‘obscure’ and can be reconstructed on the basis of the early translations of the Bible and the information obtained from the kindred languages. As far as the term *sēpina* is concerned, it is a hapax legomenon in the text of the Tanakh and can only be found

in the Book of Jonah, which is of great interest itself due to its lexical peculiarities and its plot.

The image of a ship is a key image for the Western Christian tradition. The story line 'Noah's Ark — Jonah's story — St Peter's Ship' had influenced the Christian art.

Т. В. Клементьева
(ИКВиА НИУ ВШЭ; ИВР РАН)

Характерные особенности энциклопедического жанра *тун (u)* в древнекитайской литературе на примере сопоставления трактатов *Фэн су тун (u)* и *Бай ху тун (u)*

Ключевые слова: Восточная Хань; *тун u*; Ин Шао; Бань Гу; конфуцианская идеология

Тун (u) 通義 («проникновение [в смысл]») представляет собой литературный жанр, зародившийся в эпоху Хань 漢 (202 г. до н.э. – 220 г. н.э.) и отличающийся широтой охватываемой тематики и наличием большого количества глосс и определений со вкраплениями замечаний составителя текста.

Фэн су тун u 風俗通義 «Проникновение в смысл поветрий и обычаев» — трактат государственного деятеля Ин Шао 應劭 (р. ок. 140 г. – ум. до 204 г.) конца II в. н.э. В нем была предпринята попытка исправить ошибочные, с его точки зрения, идеи, на разные темы — от трактовок прошлых событий и религиозных суеверий до терминологии в музыке и географии. *Бай ху тун u* 白虎通義 «Проникновение в смысл [дискуссий в зале] белого тигра» — трактат, создание которого приписывается Бань Гу 班固 (32–92 гг.), составленный по итогу придворной дискуссии в 79 г. Обе работы являются наиболее ранними из сохранившихся трудов в жанре *тун (u)*, поэтому их сравнительный анализ может позволить уточнить особенности жанра, оказавшего большое влияние на создание энциклопедий в имперском Китае.

В докладе будет показано, как ряд структурных отличий (наличие в *Фэн су тун u* как обзорных, так и критических глав; круг тематики обоих текстов, количество авторских вкраплений и вопросно-ответных формул) между двумя текстами был определен содержательным уклоном каждого из них, а именно тем, что

Бай ху тун и, по сути, был энциклопедией государственной идеологии, а *Фэн су тун и* — энциклопедией о том, как государство функционировало на деле.

Tatyana V. Klementieva

(IOCS NRU HSE, St. Petersburg; IOM RAS)

**Characteristic features of the encyclopedic genre *tong (yi)*
in ancient Chinese literature shown by example
of comparing the treatises
Feng su tong (yi) and *Bai hu tong (yi)***

Keywords: Eastern Han; *tong yi*; Ying Shao; Ban Gu; confucian ideology

Tong(yi) 通義 "Penetrating [into the meaning]" is a literary genre originated in the Han 漢 (202 BC–220 AD) era and is distinguished by the wide scope of subjects covered and the presence of significant amount of definitions, also with comments made by the compiler.

Feng su tong yi 風俗通義 "Penetrating into the meaning of traditions and customs" is a treatise by the statesman Ying Shao 應劭 (AD 140 – d. before 204) of the late 2nd century AD. Author attempts to correct erroneous ideas on multiple subjects — from interpretations of past events and superstitions to terminology in music and geography. *Bai hu tong yi* 白虎通義 "Penetrating into the meaning [of discussion] in the White Tiger [Hall]" is a treatise attributed to Ban Gu 班固 (AD 32–92), compiled after a court discussion in 79 AD. Both treatises are the earliest surviving works in the *tong (yi)* genre, so their comparative analysis can clarify the features of the genre, which had an influence on the creation of encyclopedias in imperial China.

The report will show how a number of structural differences (the presence in *Feng su tong yi* of both encyclopedic and critical chapters; the range of subjects, the number of author's inclusions and question-answer formulas) between the two texts was determined by the con-

tent bias of each of them, namely the fact that *Bai hu tong yi*, in fact, was an encyclopedia of state ideology, and *Feng su tong yi* — an encyclopedia of how the state functioned in practice.

Л. Г. Лахути
(ИБ РАН)

Небосвод как источник поэтических образов в персидской классической литературе

Ключевые слова: персидская поэзия; суфийская поэзия; поэтические образы; небосвод; Фирдоуси; 'Аттар

Небо в средневековой мусульманской картине мира обладает специфическим набором «физических» свойств: оно расположено высоко над землей, имеет форму яйца, состоит из восьми вложенных друг в друга сфер, вращающихся вокруг Земли. По семи из этих сфер пролегают орбиты семи «подвижных звезд», влияющих на судьбы мира в целом и каждого человека в частности; на каждой из них обитает кто-то из коранических пророков. Далее следует сфера «неподвижных звезд», т.е. зодиакальных созвездий, «домов», в которые заходят подвижные звезды. О том, что расположено далее, мнения астрономов расходятся, но поэтическая картина мира следует представлению, что все мироздание окружает неподвижная последняя сфера — «высшее небо», или Божественный престол, находящийся выше сферы неподвижных звезд.

Все перечисленные свойства имеют богатый метафорический потенциал и продуктивно используются персидскими поэтами. Небосвод может выступать как объект и субъект сравнения или метафоры, как активный персонаж, обладающий собственными чертами характера, как адресат обращений автора и/или его собеседник. Начиная с сохранившихся ранних образцов персидской поэзии, он может использоваться для обращения к таким темам, как вечность и судьба, высота и величие; для противопоставления духовного мира миру земному.

Доклад посвящен в первую очередь той роли, которую небосвод играет в средневековой поэзии IX–XII вв. — в ранней поэзии,

затем в эпической (Фирдоуси), и, наконец, в суфийских газелях и *маснави* (Санай, ‘Аттар). Также рассматривается лексика, используемая для именования небосвода, и ее связь с распределением названных свойств.

Leyla G. Lahuti

(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

The sky as a source for poetic images in Persian literature

Keywords: Persian poetry; Sufi poetry; poetic images; sky; Ferdowsī; ‘Attar

The sky in the medieval Islamic world view possesses a distinctive assortment of “physical” qualities: it is located high above the ground; it has the shape of an egg; it consists of eight spheres, one inside another, revolving around the Earth. Each of the seven spheres contains the orbit of one of the seven “moving” stars that affect fates of the world in general and every person’s fate in particular. Each of the spheres is inhabited by one of the Koranic prophets. Those spheres are followed by the sphere of the fixed stars, i.e. the zodiacal constellations, mansions that the moving stars enter. The opinions about what comes next differ among astronomers. In the poetic world view however it is established that the universe is surrounded by the last fixed sphere, the “highest heaven”, or the Divine Throne that is located higher than the sphere of the fixed stars.

All the above-mentioned qualities have a rich metaphoric potential and are used productively by Persian poets. The sky can act as an object and also a subject of comparison or metaphor; as a part of the universe or as an active figure with its own character; as an addressee for the author and/or someone the author talks to. Starting with the earliest examples of Persian poetry, it is used to discuss such themes as eternity and fate, highness and greatness; it is used to highlight the opposition between the spiritual world and the material one.

The paper deals primarily with the role that sky plays in medieval poetry of the 9–12 cc., starting with the early poetry, then in the epics (Ferdowsī), and finally in Sufi poetry and *mathnavies* (Sanāyī, ‘Aṭṭār). Also, the lexis for naming the sky is being considered along with the distribution of the afore-mentioned qualities.

С. В. Лахути
(РГГУ, ИВ РАН)

Механизмы связей сверхфразовых единств в поэтических посланиях из *Шах-наме* Фирдоуси

Ключевые слова: сверхфразовое единство; межфразовые связи; эпистолярная коммуникация; опосредованная коммуникация; Фирдоуси; *Шах-наме*

Шах-наме, поэма XI века, рассказывающая историю Ирана до завоевания страны арабами, содержит помимо прочего эпистолярные обмены между персонажами — в первую очередь, вышедшей знатью как самого Ирана, так и других стран. Эти послания в основном следуют традиции написания писем в доисламском Иране и Иране первых веков ислама. В частности, это относится к структуре письма, а именно к наличию у письма традиционной формальной рамки, включающей благопожелания адресату, приветствие и др.

В докладе формальная рамка писем будет рассматриваться с точки зрения лингвистики текста, а именно будет показано, какие языковые, метатекстовые и контекстные средства обеспечивают отграничение писем, содержащих формальную рамку, от основного текста поэмы, а внутри письма — отграничение частей формальной рамки друг от друга и от тела письма. С другой стороны, выделены основные средства, обеспечивающие связь между частями рамки. Отдельно внимание обращается на специфику организации текста и особенности графики, влияющие на подбор подходящего для анализа инструментария.

Sofia V. Lahuti
(RSUH; IOS RAS)

Means of relations between thematic paragraphs in letters in the poem *Shah-nameh* by Ferdowsi

Keywords: thematic paragraph; intersentential relations; epistolary communication; mediated communication; letters; Ferdowsi; *Shah-nameh*

Shah-nameh, an 11 c. poem telling the history of pre-Islamic Iran, contains, among other things, a number of epistolary exchanges between members of the different stratas of society, first and foremost the aristocracy. For the most part, the letters follow the tradition of letter-writing characteristic of late pre-Islamic Iran as well as early Islamic Iran. This is especially true of the formal structure of a letter, and in particular the ritual parts of the structure that start and end a traditional letter, e.g. a benediction, a salutation, etc.

The paper focuses on said ritual parts of the formal structure from the point of view of text linguistics. It will show which verbal, metatextual, and contextual means are used to separate letters from the rest of the poem, as well as the means used to separate parts of the formal structure within the letter. Also, some consideration will be given to the specifics of the organisation of the text as well as the peculiarities of the Arabic graphics affecting the toolset selected for analysis..

Н. Р. Лидова
(ИМЛИ РАН)

Концептуализация представлений о «вкусе» (*rasa*) в древней Индии

Ключевые слова: физиология вкуса; психология вкуса; эстетический вкус; чувство; ощущение; *Ригведа*; *Аюрведа*; *Чарака-самхита*; ритуал; *сома*; *раса*

В докладе будет рассмотрена сравнительно редко обсуждаемая тема развития представлений о вкусе в древнеиндийской традиции. Будет показано, как древнейшее, зафиксированное в *Ригведе* восприятие вкуса *сомы* (*сома-раса*) как сакрального напитка, приготавливаемого и употреблявшегося по ходу ведийских ритуалов, трансформировалось, с одной стороны, в освященную традицией *Аюрведы* дифференциацию шести основных физиологических вкусов (сладкий, кислый, соленый, острый, горький и вяжущий), а с другой — в систему представлений о вкусе как эстетическом переживании и восприятии искусства как «вкушения», благодаря чему *раса* стала одной из базовых категорий древнеиндийской эстетики.

Natalia R. Lidova

(Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences)

The conceptualization of 'taste' (*rasa*) in ancient India

Keywords: physiology of taste; psychology of taste; aesthetic taste; feeling; senses; *Rgveda*; *Āyurveda*; *Caraka-Saṃhitā*; ritual; *soma*; *rasa*

The paper investigates the development of ideas concerning the nature of taste in the ancient Indian tradition. It demonstrates how the most ancient perception of taste, recorded in the *Rgveda* as the taste of *soma* (*soma-rasa*) — the sacred drink prepared and consumed

in the course of Vedic rituals, evolved and received a set of additional meanings. On the one hand, *rasa* was used by the teachers of *Āyurveda* to define six sub-modalities engaged in the process of gustation (sweet, sour, salty, pungent, bitter, and astringent), and, on the other, it started to reflect the ideas of taste as an aesthetic experience, influencing the concomitant terminology which described the process of art perception as "savoring". As the result, *rasa* became one of the fundamental categories of ancient Indian aesthetics.

З. В. Махачашвили

(ИБ РАН)

О влиянии авторитета античных авторов на современных ученых на основе изучения определения обелиска у Аммиана Марцеллина

Ключевые слова: Аммиан Марцеллин; дефиниция; обелиск; Древний Египет; доказательство

Современные ученые часто опираются в своих трудах на авторитет античных авторов, и не всегда критически анализируют объект своего исследования. Античные писатели описывали и исследовали окружающий мир исходя из современных им знаний и представлений. Однако с тех пор были получены много новых знаний и методов исследования, открыты новые памятники неизвестные в древности. Как пример можно привести определения обелиска в трудах современных египтологов, которые были составлены, опираясь на авторитет Аммиана Марцеллина, а не на объективные знания об обелисках.

Один из современных египтологов, Лабиб Хабаши в своей монографии посвященной древнеегипетским обелискам «The obelisks of Egypt: skyscrapers of the past» писал, что они сделаны из единого куска камня (single piece of stone) и постепенно сужаются (gradually tapering).

Если же рассмотреть известные обелиски, то имеются как обелиски, вытесанные из одного куска камня, так и составленные из большого количества блоков. Приведем для примера обелиски Солнечных храмов в Абусире или обелиск Константина в Стамбуле.

Утверждение, что обелиски постепенно сужаются, делает дефиницию Хабаши узкой, т.к. кроме обелисков, сужающихся к верхушке, в Древнем Египте были и обелиски, которые не сужа-

ются, как, например, обелиски Нехебу из Гизы или Птахотеп-Дешера из Саккары.

Данные примеры показывают, что слепое копирование античных авторов может приводить к разного рода ошибкам.

Zviadi V. Makhachashvili

(IOS RAS)

Towards the influence of antique authors on the modern scholars based on the study of the definition ‘obelisk’ by Ammianus Marcellinus

Keywords: Ammianus Marcellinus; definition; obelisk; Ancient Egypt; proof

Modern scientists often rely in their works on the authority of ancient authors, and do not always critically analyze the object of their research. Ancient writers described and explored the world around them based on their modern knowledge and ideas. However, since then, new knowledge and many research methods have been obtained, new monuments unknown in antiquity have been discovered. As an example, we may quote the definitions of the obelisk in the works of modern Egyptologists, which were compiled based on the authority of Ammianus Marcellinus, and not on objective knowledge about obelisks.

One of the modern Egyptologists, Labib Habachi, in his monograph on the ancient Egyptian obelisks "The obelisks of Egypt: sky-scrapers of the past" wrote that they are made of a "single piece of stone and gradually tapering".

If we consider the well-known obelisks, then there are both obelisks carved from a single piece of stone, and composed of a large number of blocks. Let's give an example of the obelisks of the Sun Temples of Abusir or the obelisk of Constantine in Istanbul.

The statement that obelisks are gradually being loaned makes the definition of Habachi narrow, because in addition to obelisks loaning to the top, in ancient Egypt there were obelisks that do not narrow, such as the obelisks of Nekhebu from Giza or Ptahhotep-Deshher from Saqqara.

These examples show that blind copying of ancient authors can lead to various kinds of errors.

Д. В. Микульский

(ИБ РАН)

Версии рассказа об убиении противника пророка Мухаммада Ка'ба б. ал-Ашрафа в различных источниках

Ключевые слова: арабо-мусульманское историческое предание; арабо-мусульманские династийные исторические сочинения; «История» ат-Табари; «Житие Посланца Аллаха» (*Сира*) Ибн Исхака — Ибн Хишама; «Книга творения и истории» ал-Мукаддаси; Ка'б б. ал-Ашраф; мединские иудеи

Ка'б б. ал-Ашраф ал-Йахуди (ум. 624) — стихотворец и витязь из обитавшего в Йасрибе (Медине) иудейского племени *бану-н-надир*. После сражения при Бадре (624 г.), в котором мусульмане одержали решительную победу над курайшитам-язычниками (соплеменниками пророка Мухаммада и его сподвижников-*мухаджиров*), Ка'б стал сочинять подстрекательские стихи против мусульман. В конце концов, был объявлен *врагом Аллаха* и убит по приказанию пророка Мухаммада. Автор этих строк познакомился с историей Ка'ба из рассказа о его гибели, приведенного в своде Мутаххара б. Тахира ал-Мукаддаси (втор. пол. X в.) *Китаб ал-бад' ва-т-та'рих* «Книга творения и истории» — этот свод относится к жанрово-композиционной категории династийных исторических сочинений. Повествование о Ка'бе привлекло меня как манифестация одного из принципов арабской воинской этики — доблестному воину следует непоколебимо идти навстречу смерти. Позже мне удалось выяснить, что версия истории убиения Ка'ба, изложенная ал-Мукаддаси, носит сокращенный характер, в то время как полные версии изложения этого события присутствуют в *Сират Расул Аллах* «Житие Посланника Аллаха» Ибн Исхака (704 – ок. 762), сохранившейся в редакции Ибн Хишама (ум. 828 или 833), и в «Истории» ат-Табари (ум. 923). Версии Ибн Хишама и ат-Табари весьма близки друг другу

и восходят к изначальной редакции *Сират Расул Аллах* Ибн Исахака. Ибн Хишам и ат-Табари включают в свои повествования подробный рассказ о том, как вызываясь вел себя Ка'б по отношению к мусульманам, какие он сочинял стихи, порочившие мусульман, и скандальные вирши, в которых воспевал красоту и прелесть женщин-мусульманок, как пророк Мухаммад принял решение убить Ка'ба, каким образом группа сторонников руководителя мусульманской общины вызвалась исполнить эту миссию и как произошло убийство. Версия Ибн Хишама помимо того содержит стихи, сочиненные в связи с гибелью Ка'ба. Что же до исторического рассказа ал-Мукаддаси, то объемом его меньше изначальных версий примерно в 8 раз, стихотворные фрагменты опущены, хотя сообщается о факте сочинения стихотворений Ка'бом; повествование концентрируется на убийстве иудейского витязя и стихотворца, причем, обстоятельства этого деяния также значительно сокращены.

Таким образом, ал-Мукаддаси провел значительную редакционную работу по обработке изначального исторического предания, создав свою собственную сокращенную версию повествования, более выигрышную в литературном отношении.

Полагаю, что порождение подобных текстуальных версий на основе изначального исторического предания в принципе характерно для арабо-мусульманских династических сочинений IX–X вв.

Dmitri V. Mikulski

(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

**Versions of the story of the murder
of Prophet Muhammad's adversary Ka'b b. al-Ashraf,
as it appears in different sources**

Keywords: Arab-Muslim historical tradition; Arab-Muslim dynastical works on History; "The History" by al-Tabari; "The Life of the

God's Messenger" (*al-Sira*) by Ibn Ishak — Ibn Hisham; "The Book of Creation and History" by al-Mukaddasi; Ka'b b. al-Ashraf; the Jews of Medina

Ka'b b. al-Ashraf al-Yahudi (d. 624) was a poet and a warrior of the Jewish tribe Banu ʿl-Nadir, which was dwelling at Yathrib (Medina). After the battle of Badr (624 A.D.), where the Muslims decisively overwhelmed the pagans of Kuraysh, tribesmen of the Prophet Muhammad and his *Muhadjirin* partisans, Ka'b began to compose provocative anti-Muslim verses. Eventually he was proclaimed *Allah's Enemy* and assassinated according to the order of the Prophet Muhammad. The Author of the present lines has got acquainted with Ka'b's story from the narration on his death, delivered in a book on History by Mutahhar b. Tahir al-Mukaddasi (2nd half of the 10th century) *Kitab al-Bad' wa'l-Ta'rikh* "The Book of Creation and History", which belongs to compositionally to the genre of the dynastical histories. The story of Ka'b has attracted my attention as a manifestation of one of the principles of the Arabic Martial Ethics — that a gallant warrior is obliged to confront the death without hesitation. Later I have cleared out that the version by al-Mukaddasi bears an abridged character, whereas full versions of the narration of the same event are contained by *Sirat Rasul Allah* by Ibn Ishak (704 – c. 762), which reached us in the wording of Ibn Hisham (d. between 828 and 833), as well as by "The History" by al-Tabari (d. 923). The versions of Ibn Hisham and al-Tabari are very similar to each other and go back to the original variant of *Sirat Rasul Allah* by Ibn Ishak. Both Ibn Ishak — Ibn Hisham and al-Tabari include into their narrations the detailed story of Ka'b's defiant behavior towards the Muslims, as well as scandalous verses, in which he discredited the Muslims and sung the beauties and charms of Muslim ladies. Further both sources relate how the Prophet Muhammad took the decision to assassinate Ka'b, how a company of his partisans volunteered to carry out this mission and how the murder was fulfilled. Besides Ibn Hisham's version contains verses composed on the occasion of Ka'b's death. As far as al-Mukaddasi's historic narration is concerned, its volume is eight times less than that of the

primordial versions, poetic fragments are omitted, though the very fact of Ka'b having composed the verse is mentioned; the narration is concentrated on the murder of the Jewish warrior and poet, while the details of this event are also abridged.

So al-Mukaddasi carried out substantial editorial work on the adaptation of the original historical tradition, thus creating an abridged version of the story of his own, which appeared literally more advantageous.

I suppose, that the creation of such textual versions on the basis of the primal historical tradition is in principle characteristic of the Arab-Muslim dynastical works on the history of the 9th – 10th centuries.

Д. Е. Мишин
(ИВ РАН)

Анахронизмы в доисламской арабской поэзии

Ключевые слова: доисламская Аравия; арабская поэзия; Тарафа ибн ал-‘Абд; ‘Ади ибн Зайд

Дискуссия о том, являются ли дошедшие до нас древние арабские стихи, приписываемые доисламским поэтам, достоверными или сфальсифицированными, продолжается уже более 150 лет и, видимо, будет развиваться и далее: объём материала очень велик. Она имеет большое значение и для исторического исследования, так как речь идёт об определении степени достоверности источников. Одним из признаков того, что стих или по крайней мере его фрагмент представляет собой подделку, следует считать анахронизмы. Например, известен стих, в котором поэт Тарафа ибн ал-‘Абд призывает на борьбу против ан-Ну‘мана. Если, что представляется вероятным, имеется в виду лахмидский царь ан-Ну‘ман III (579–601), стих не может принадлежать Тарафе, казнённому при царе ‘Амре III (554–569). Сходным образом в стихе, приписываемом ‘Ади ибн Зайду, упоминается об убийстве сасанидского царя *Кисра*, который некоторое время укрывался в ночи и пытался бежать. Речь, очевидно, идёт о свержении и гибели сасанидского царя Хосрова II Парвиза (591–628), но эти слова не могут принадлежать ‘Ади ибн Зайду, который умер (или был убит) в темнице правление ан-Ну‘мана III. Такие фрагменты следует, очевидно, считать поздними вставками, т.е. фактически подделками. В то же время и такие подделки — не откровенный вымысел; они отражают исторические познания и представления их составителей, которые подчас правильно передавали суть событий, да и исторические детали.

Dmitry E. Mishin

(IOS RAS)

Anachronisms in Mediaeval Arabic Poetry

Keywords: pre-Islamic Arabia; Arabic poetry; Ṭarafa Ibn al-‘Abd; ‘Adī Ibn Zayd

The discussion on whether ancient Arabic verses ascribed to pre-Islamic poets are genuine or falsified has been lasting for over 150 years and probably will continue further on, for the amount of extant information is fairly considerable. That discussion is also important for historical studies, for the reliability of the extant sources is at stake. One of indicators showing that a verse, or a fragment of it, is false are anachronisms. For instance, there is a verse in which poet Ṭarafa Ibn al-‘Abd calls for fight against al-Nu‘mān. If the latter is Lakhmid king al-Nu‘mān III (579–601), as it appears to be the case, the verse cannot belong to Ṭarafa, who was put to death at the time of king ‘Amr III (554–569)’s rule. Likewise, in a verse ascribed to ‘Adī Ibn Zayd there is a fragment on the assassination of Sasanid king *Kisrā*, who is said to have hidden for some time in the night and to have attempted to flee. This is obviously a reference to the dethronement and death of Sasanid king Khusraw II Abarwēz (591–628), but if so, the fragment in question cannot belong to ‘Adī Ibn Zayd, who died (or was put to death) in prison during the rule of al-Nu‘mān III. Understandably, such fragments are to be considered as falsified. However, they are not fictitious for they reflect what was known to their real authors, who often correctly present the sense, and also details, of historical events.

Е. Л. Никитенко
(ИКВиА НИУ ВШЭ)

**«Причисли меня к друзьям Божиим»:
нарративы мученической смерти
в свидетельствах о себе в Иране XX в.**

Ключевые слова: нарратив мученической смерти; автобиографический нарратив; свидетельства о себе; Иран; XX в.

Тема героической, мученической смерти и самопожертвования занимает важное место в персидской культуре. Мы встречаемся с преданиями о коварно убитых героях и в пехлевийской литературе (Зарер), и в иранских преданиях, вошедших в «Шахнаме» Фирдоуси (Сиямак, Ирадж, Сиявуш), и в истории раннего ислама (Хусейн б. ‘Али). Тема самоотречения и растворения в Истинно возлюбленном является ключевой для суфийской персидской литературы.

Нарратив мученической смерти появляется и в свидетельствах о себе иранцев XX в.: в последнем слове перед военным трибуналом, в письмах-завещаниях, отправленных с фронта солдатами ирано-иракской войны 1980-1988 гг. Говоря о себе, авторы этих документов используют предложенные культурной традицией темы и мотивы, выстраивают свой образ в соответствии с известными им нарративами мученической, героической смерти.

В ходе доклада будет рассмотрено соотношение конвенциональных и нетрадиционных элементов в рассматриваемых документах, будут разобраны примеры двух основных, на наш взгляд, типов нарратива мученической смерти: «нарратива Кербелы» и «суфийского нарратива». Также будет показано, как этими двумя типами нарратива пользуется государство в своих целях.

Evgeniya L. Nikitenko

(IOCS NRU HSE)

**“Reckon me among the Friends of God”:
narratives of martyrdom in the self-testimonies
in the 20th century Iran**

Keywords: narrative of martyrdom; autobiographical narrative; self-testimonies of individuals; Iran; 20th century

The theme of martyrdom and self-sacrifice occupies an important place in Iranian culture. Stories on the heroes who were treacherously murdered can be seen in Pahlavi literature (Zarer), in the Iranian myths and legends recorded by Ferdowsi in his *Shahnameh* (Siamak, Iraj, Siavash), and also in the early Islamic history (Husayn ibn ‘Ali). Self-renunciation and complete merging in the Divine Beloved lie at the core of the Sufi Persian literature.

Martyrdom narrative can also be seen in testimonies of individuals in the 20th century Iran, such as the last world in court, and the last wills of the Iranian combatants sent home from the frontlines of the Iran-Iraq war (1980-88). The authors of these texts construct their self-identity by using different types of the narrative of martyrdom available in Persian culture.

In my presentation I will identify conventional elements of the above said documents in order to bring to light the personal, unique and non-conventional. I will argue that there are two main types of the narrative of martyrdom in these texts: a “Karbala narrative” and a “Sufi narrative”. I will also discuss the uses of it made by the state propaganda.

С. Ч. Офертас

(ИБ РАН)

О существе предельного предмета: «Прамартхасара» Абхинавагупты

Ключевые слова: Абхинавагупта; Адишеша; Адхара; Йогараджа; парамартха; предмет; предел; шиваизм; адвайта; артха; чатурартха; тó; ты сам

Прамартхасара «О существе предельного предмета» — поэма-наставление Абхинавагупты, великого кашмирского философа XI века. Эта работа является шиваитским, в духе радикальной *адвайты*, переложением другой *Парамартхасары*, поэмы вишнуитского наставника VI или VII веков Адишеша, Шешанаги, Ананты или Адхары. Эта первая *Парамартхасара* имеет еще названия *Адхаракарик*, *Анантакарик* или *Арьяпанчашити* — «Восемьдесят пять стихов размером *арья*». Она выдержана в духе *санкхьи* и выражает идеи ранней дошанкаровской *адвайты*. На работу Абхинавагупты Йогараджей, одним из учеников, был составлен комментарий, что несколько облегчает её понимание.

Первое и наиболее общее значение санскритского слова *артха* — ‘предмет’, и уже только вторично оно выражает значения: ‘тема’, ‘вещь’, ‘смысл’, ‘значение’, ‘цель’, ‘выгод’а или ‘прок’. Так, знаменитая *чатурартха* — это четыре предмета, четыре темы или выгоды человеческой жизни, а вовсе не её цели. *Парама* же означает ‘наивысший’ или ‘предельный’. В своём сообщении мы попытаемся осветить, каково же существо этого «предельного предмета».

Предмет — это то, что можно представить. Представить можно всё то, чему можно приписать существование. Несуществующее непредставимо. Для существующего, так или иначе, надо осуществить представление. К существующему в пределе, то есть как бы существующему и несуществующему, мы можем двигаться, каждый раз отодвигая предел представимого, указы-

вая его как «тó» (*tattvám*) дальнейшее или что дальше дальнего, внешнее, или как «тó» ближее, внутреннее, ближе ближайшего. Это ближайшее и наидальнейшее предполагает при обращении к ним некий размах и охват, возвращение, некую внеграницную, вне места и времени, возвратность «сам» или, точнее, «ты сам», не линию и не точку, а постоянное возвращение обращающегося, повторение полноты тебя самого, существующего для всех 36 «тó» от Шивы до земли...

Stanislav Ch. Ofertas
On the Essence of the Ultimate Object:
***Pramāthasāra* by Abhinavagupta**

Keywords: *Abhinavagupta; Ādiśeṣa; Ādhāra; Yogarāja; paramārtha; object; limit; Shaivism; advaita; artha; caturartha; that; yourself*

"On the Essence of the Ultimate Object", *Pramāthasāra* in Sanskrit, is a poem-instruction of Abhinavagupta, the great Kashmiri philosopher of the XI century. This work is a Shaivite, in the spirit of radical *Advaita*, transcription of another *Paramāthasāra*, a poem by a 6th or 7th century Vaishnava teacher Ādiśeṣa, Śeṣanaga, Ananta, or Ādhāra. This first *Paramāthasāra* is also called *Ādhārakārikā*, *Anantakārikā* or *Āryapañcāśīti*, "The [work composed of] eighty-five of āryās". It is sustained in the spirit of *Saṅkhyā* and expresses the ideas of the early pre-Śaṅkara *advaita*. Yogarāja, one of the students of Abhinavagupta, has created a commentary on his work and now the commentary makes it somewhat easier to understand.

The first and most general meaning of the sanskrit word *artha* is 'object', and only secondarily it expresses the meanings: 'subject', 'thing', 'sense', 'meaning', 'purpose', 'benefit' or 'good'. So the famous *caturartha* is four subjects, four themes or benefits of human life, and not its goals at all. *Parama* means 'highest' or 'ultimate'. In our message, we will try to shed light on what the essence of this "ultimate subject" is.

An object is something that can be imagined. Anything that can be attributed to existence can be imagined. The non-existent is unimaginable. For the existing one, one way or another, it is necessary to realize a representation. We can move towards what exists in the limit, that is, as it were, existing and non-existent, each time pushing back the limit of the conceivable, indicating it as “that” (*tattvám*) further, or what is further distant, external, or as “that” near, internal, closer nearest. This nearest and farthest presupposes, when referring to them, a certain sweep and scope, a return, a certain extra-limiting, outside of place and time, recurrence of “yourself” or, more precisely, “you yourself”, not a line or a point, but a constant return of the one unfolding, a repetition of the fullness yourself, existing for all 36 “that” from Śiva to the earth.

А. А. Петряева
(Кубанский государственный университет)

Японская календарная поэзия

Ключевые слова: поэзия; Япония; календарная поэзия; литература

В последнее время во многих странах наблюдается рост интереса к традиционной культуре, поэтому все большую значимость приобретает проблема взаимосвязей литературы и фольклора. Ее важность определяется необходимостью решения вопросов становления литератур. Наиболее ярко взаимосвязи японской литературной и фольклорной традиций проявляются в календарно-обрядовой поэзии. Между тем на протяжении многих веков календарная поэзия была одним из важных направлений для изучения, отразив в литературе целые культурологические концепции, берущие начало в синтоизме и раннем буддизме. Актуальность темы состоит в том, что и в наши дни японская календарно-обрядовая поэзия не может рассматриваться как реликтовое явление. Она сохраняет свой собственный исторически обусловленный и этнически окрашенный облик. Японская календарная поэзия — пример того, как в условиях урбанизации, существует и продолжает движение целая область традиционной культуры.

История развития календарно-обрядовой поэзии Японии охватывает большой временной отрезок. Материалы позволяют рассматривать ее в хронологических рамках VIII – начала XX в., хотя она имеет гораздо более глубокие корни. На протяжении данного периода календарная поэзия Японии существовала в двух плоскостях: рядом существовали календарная фольклорная и календарная литературная поэзия. Они представляли собой две системы, каждая из которых, несмотря на сильное воздействие, развивалась самостоятельно и функционировала соответственно требованиям своих жанров. Так, народная календарно-

обрядовая лирика сохраняла более прочную привязанность к календарному обряду и хозяйству. Для нее было характерно деление не только по временам года, но и по хозяйственным сезонам. Обряды и праздники составляли ее тематическое и художественное ядро.

В современную эпоху японская календарная поэзия стала неординарным явлением. Фольклорные записи XIX–XX вв. возродили традиционную форму календарного фольклора. В то же время, именно в этот период авторской поэзии появились принципиально новые трактовки календарных образов. Своеобразие этого этапа заключается и в усилении разрыва между устной и письменной календарной традицией, при которой фольклорные произведения ориентировались на свою древнюю основу. Анализ истории календарно-обрядовой поэзии показывает, насколько сложным и неоднозначным был процесс развития этой области японской культуры, и какими разными были формы взаимоотношения устной и литературной традиции.

Alexandra A. Petryaeva
(Kuban' State University)

Japanese calendar poetry

Keywords: poetry; Japan; calendar poetry; literature

Nowadays, there has been an increase in interest in traditional culture in many countries, that's why the problem of the interrelationships of literature and folklore is becoming increasingly important. Its importance is determined by the need to address the issues of the formation of literature. The interrelationships of Japanese literary and folklore traditions are most clearly manifested in calendar ceremonial poetry. Meanwhile, for many centuries calendar poetry has been one of the important areas for study, reflecting in literature entire cultural concepts originating in Shintoism and early Buddhism. The relevance of the topic lies in the fact that even today Japanese calendar ceremonial

nial poetry cannot be considered as a relic phenomenon. It retains its own historically conditioned and ethnically colored form. Japanese calendar poetry is an example of how an entire area of traditional culture continues to exist in the conditions of urbanization.

The history of the development of calendar ceremonial poetry in Japan covers a large time period. The materials allow us to consider it in the chronological framework from the VIII to the beginning of the XX century, although its roots go much deeper. During this period, calendar poetry of Japan existed in two planes: calendar folk and calendar literary poetry existed side by side. They represented two systems, each of which, despite the strong impact on each other, developed independently and functioned according to the requirements of its genres. Thus, the folk calendar ceremonial poetry was heavily influenced by the calendar rites and the household affairs. It was characterized by division not only by seasons, but also by economic periods. Rituals and holidays formed its thematic and artistic core.

In the modern era, Japanese calendar poetry has become an extraordinary phenomenon. Folklore records of the XIX-XX centuries revived the traditional form of calendar folklore. At the same time, during exactly this period of the author's poetry fundamentally new interpretations of calendar characters appeared. The peculiarity of this stage also lies in the strengthening of the gap between the oral and written calendar tradition, in which folklore works were created on their ancient basis. The analysis of the history of calendar ceremonial poetry shows how complex and ambiguous was the process of development of this area of Japanese culture, and how different were the forms of the relationship between oral and literary traditions.

Н. И. Пригарина

(ИВ РАН)

**Термин *taqlīd* и его жизнь в поэзии
Мухаммада Икбала**

Ключевые слова: имитация (*taqlīd*); следование; любовь (*ʿišq*); нищета (*faqr*)

1. В ранних произведениях Икбала мотив *taqlīd* (имитация, традиция) относится к сравнительно редким случаям радикального изменения значения. Словарные значения слова *taqlīd* в арабском и персидском языке такие: 'имитация', 'традиция' (араб.), 'подражание', 'следование учению (какой-нибудь религиозной секты)' (перс.). Глагол *taqlīd kardan* в словаре Дехходы означает 'надевать ошейник', в переносном значении 'возлагать ответственность' и др. В философии ислама термин первоначально обозначал следование авторитету *муджтахид*а.

2. Аннемари Шиммель в своей книге «Крыло Гавриила» делает обстоятельный обзор связи концепции *taqlīd* с концепцией любви (*ʿišq*) и нищеты (*faqr*) у Икбала.

3. Мотив следования в *маснави* «Таинства личности» (1915) и «Иносказания о самоотречении» (1918) связан с историей Базиды Бистами и судьбой евреев. Примечание Икбала к переводу *маснави* Р. Никольсона на английский язык от 1920 года: «the idea is that تقييد (*taqlīd*) is also a form of love» представляет собой очень важное и, как представляется, малоизвестное высказывание.

4. Насыщение термина негативными коннотациями в поздней поэзии, особенно в связи с темой Запада и следования западным ценностям в искусстве, образе жизни, политике, в большей степени присуще поэзии позднего времени.

Natalia I. Prigarina

(IOS RAS)

The term *taqlīd* and its life in the poetry of Muhammad Iqbal

Keywords: imitation (*taqlīd*); following; Love (*‘išq*); poverty (*faqr*)

1. In Iqbal's early work the motif of *taqlid* 'imitation', 'tradition' is one of those rare notions which radically change during the later period of his career. Dictionary meanings of the word *taqlīd* in Arabic and Persian are: 'imitation', 'tradition' (arab.), 'imitation', 'following the teachings (of some religious sect)' (pers.). The verb *taqlīd kardan* in the Dehxoda dictionary is interpreted as 'to put the collar on someone's neck', viz. 'make someone responsible' and some more meanings. The origin of the term in the philosophy of Islam originates from the notion as 'following the authority of the *Mujtahid*'.

2. Annemarie Schimmel discusses the connection between the concept of *taqlīd* and the concept of love (*‘išq*) and poverty (*faqr*) in Iqbal in her "Gabriel's Wing".

3. The motive of imitation in the *masnavis* "The Secrets of the Self" (1915) and "The Mysteries of Selflessness" (1918) is connected with the story of Bayazid Bistami, and the fate of the Jews. Iqbal's note on R. Nicholson's first *masnavi* translation into English from 1920: «the idea is that تَقْلِيد (taqlīd) is also a form of love» is very remarkable and seems to be not known widely.

4. The saturation of the term with negative connotations, especially in connection with the theme of the West and following Western values in art, lifestyle, and politics by Indians belongs mostly to Iqbal's later poetry.

М. Л. Рейснер
(ИСАА МГУ)

**Сад, дворец, красавица:
жанровый диапазон описания (*васф*)
в персидской классической поэзии XI–XV вв.**

Ключевые слова: дескриптивная поэзия; описание и повествование; *васф*; сферы описания; объекты описания

Описание (*васф*) в жанровой системе арабской и персидской поэтики, наряду с повествованием, следует выделить в особую категорию, поскольку они не связаны с определенной тематикой, а представляют два способа авторской презентации мотивов любой области традиционного репертуара. *Васф* существует внутри каждой из тематических категорий поэзии («больших *ма'на*»). В зависимости от поэтической формы описание проявляется по-разному, но остается узнаваем, благодаря характерным приемам его организации. В крупных и средних формах *васф* представляет «каталоги» объектов, приличествующих теме (цветы, птицы, плоды, т.е. сезонные слова, — календарной поэзии, феномены внешней красоты — любовной, атрибутика застолья — пиршественной и т.д.).

Для анализа выбраны три «мегаобъекта», преодолевающие жанровые границы и присутствующие в разных видах классического стиха — в маснави, касыде, в газели. «Сад — дворец — красавица» представляются наиболее часто встречающимися эстетически осознаваемыми явлениями окружающего мира. В крупных и средних формах поэзии дескриптивные части детализированы и велики по объему, но и в лирике малых форм элементы описания встречаются и играют важную роль. В частности, в газели они, размещаясь в начальных стихах (*матла*), призваны задавать лирическую ситуацию, служить ее знаками.

Общей для описания трех объектов при выборе области сравнений является связь эстетических предпочтений с весенней календарной образностью.

Наиболее сложные смыслы может нести описание, включенное в контексты религиозно-мистической поэзии, когда оно становится основой аллегорической картины.

Marina L. Reysner

(IAAS MSU)

**Garden, Palace, Beauty:
Genre range of description (*wasf*) in Persian
classical poetry of the XI–XV centuries**

Keywords: descriptive poetry; *wasf*; description and narration; spheres of description; objects of description

Description (*wasf*) in the genre system of Arabic and Persian poetics, along with narration, should be singled out in a special category, since both are not related to a specific topic, but represent two ways of the author's presentation of motives. *Wasf* exists within each of the thematic categories of poetry (so called 'big *ma'na*'). Depending on the poetic form, the description manifests itself in different ways, but remains recognizable due to the characteristic techniques of organization. In large and medium-sized forms, the *wasf* presents catalogs of objects befitting each topic (flowers, birds, fruits — calendar poetry, phenomena of external beauty — love lyrics, attributes of a feast — feasting, etc.).

For the analysis, three 'mega-objects' were selected that transcend genre boundaries and are present in different types of classical verse — in *masnavi*, *qasida*, and *ghazal*. 'Garden — Palace — Beauty' are the most common aesthetically conscious phenomena. In large and medium-sized forms of poetry, descriptive parts are detailed and long, but in the lyrics of small forms, elements of description are also found and

play an important role. In particular, in the ghazal, they are placed in the initial verse (*matla'*) and serve as signs a lyrical situation.

Common to the description of three objects when choosing a comparison area is the connection of aesthetic preferences with spring calendar imagery. The most complex meanings can be carried by a description included in the contexts of religious and mystical poetry, when it becomes the basis of an allegorical picture.

В. А. Розов
(Востфак СПбГУ)

Ду‘а’ и производные термины в Коране: контекстуальный и эмоциональный анализ¹

Ключевые слова: Коран, молитва, ду‘а’, хронология, эмотивный анализ

Термины для описания личной молитвы (ду‘а’ и другие производные формы) являются важной частью коранической религиозной терминологии. Был проведен количественный анализ их встречаемости с учетом хронологии коранического текста. Эти термины часто встречаются преимущественно в сурах II и III мекканских периодов и реже используются в мединском периоде, в отличие от термина *ṣalāt* (коллективная ритуальная молитва), который часто встречается в основном в мединских сурах. Исследование показало, что термины личной молитвы используются в большом количестве взаимосвязанных контекстов. Этими контекстами являются: (1) неблагодарность человека по отношению к Аллаху; (2) люди подвержены влиянию языческих божеств; (3) люди призывают к Богу, только если им угрожает опасность; (4) Бог милостив к призывающим Его праведникам и отвечает им. Эмоциональная составляющая этих контекстов чрезвычайно интенсивна и варьируется от позитивной до негативной, причем один и фрагмент может содержать оба эти полюса модальности. Распределение тем, в которых используются соответствующие термины, и разнообразие их эмоциональных модальностей можно объяснить различным контекстом коранического откровения, а также изменением социальной роли пророка Мухаммада в ходе его пророческой миссии.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01046, <https://rscf.ru/project/22-28-01046/>.

Vladimir A. Rozov
(SPbSU, Oriental Faculty)

***Du‘ā’ and related terms in the Qur’ān:
a contextual and emotional analysis***

Keywords: Qur’ān, prayer, *du‘ā’*, chronology, emotive analysis

Terms of personal prayer (*du‘ā’* and other derivative forms) are an important part of the religious vocabulary of the Qur’ān. Quantitative analysis of their occurrence was fulfilled with regard to the Qur’ānic text chronology. These terms are frequent predominantly in the sūras of the II and III Meccan periods, and they are found more scarcely in the Medinan period, contrary to the term *ṣalāt* (collective ritual prayer) which appears mainly in the Medinan sūras. One could find that terms of personal prayer are used in a close number of intertangled contexts. These contexts are: (1) man’s ingratitude towards the Allah; (2) peoples are affected by pagan deities; (3) people call the God in the time of danger; (4) the God is merciful to the righteous individuals calling Him, and He response to them. The emotive component of these contexts is extremely intense and vary from positive to negative, often containing both of these opposite evaluations. The choice of topics and variety of their emotional modalities could be explained by the various contexts of the Qur’ānic revelation and social position of the prophet.

И. Р. Саитбатталов

(БашГУ, Уфа)

Газель Шамс ад-Дина Заки «Будет — не будет»: опыт филологического перевода¹

Ключевые слова: башкирская литература; газель; суфизм; филологический перевод; Шамс ад-Дин Заки; язык тюрки

Творчество слепого поэта и богослова Шамс ад-Дина Заки (1822–1865) считается вершиной тюркоязычной суфийской поэзии народов Урало-Поволжья. Состоящая из семи *бейтов* газель с *радифом* *bolğay — bolmağay* ‘будет — не будет’ является наиболее известным его произведением.

В башкирском и татарском литературоведении газель трактуется как текст о скоротечности человеческой жизни, необходимости «использовать блага этого мира, попробовать его удовольствия, а также защищающее активного героя». Ряд образов газели: базар, верховая лошадь, охотничья птица, мёд — рассматривается как ранний пример влияния образной системы фольклора на письменную литературу. Такая трактовка возможна при буквальном прочтении текста газели.

Газель может быть прочитана и иным путём, исходя из оппозиции *zāhir — bāṭin* ‘явное — скрытое’: суфийская литература на тюркских языках выработала традицию аллегорического понимания ключевых образов, представленных в произведении. Лица (друг, утешитель, друзья), места (город, базар, край земли, дом), явления природы (лошадь, ястреб, небо) могут быть трактованы как понятия суфийской науки (*‘ilm al-bāṭin*). В этом случае стихотворение становится произведением о мистическом пути, его

¹ Доклад подготовлен в рамках проекта МК-5052.2021.2 Совет по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации.

этапах и цели. При этом мотив скоротечности жизни приобретает трагическое измерение: мистик может не успеть сказать своих главных слов. Филологический перевод демонстрирует сложность и многоплановость сравнительно короткого суфийского поэтического текста.

Iskander R. Saitbattalov

(Bashkir State University, Ufa)

***Ghazal* by Shams ad-Din Zaki:
the experience of philological translation**

Keywords: Bashkir literature; *ghazal*; philological translation; Shams al-Din Zaki; Sufism; Turki language

The work of blind poet and Muslim scholar Shams al-Din Zaki (1822–1865) is considered the pinnacle of the Turkic-language Sufi poetry of the peoples of the Ural-Volga region. The *ghazal* consisting of seven *bayts* with the *radif bolğay – bolmağay* ‘will be – will not be’ is his most famous work.

In Bashkir and Tatar literary criticism, the *ghazal* is interpreted as a text about the transience of human life, the need to "use the benefits of this world, try its pleasures, and also protect the active hero". A number of images of the poem: a *bazaar*, a riding horse, a hunting bird, honey are considered as an early example of the influence of the figurative system of folklore on written literature. Such an interpretation is possible with a literal reading of the text.

The *ghazal* can also be read in another way, based on the *zāhir – bāṭin* ‘obvious – hidden’ opposition: Sufi literature in Turkic languages has developed a tradition of allegorical understanding of the key images presented in the work. Persons (friend, comforter, friends), places (city, bazaar, end of the earth, home), natural phenomena (horse, hawk, sky) can be interpreted as concepts of Sufi science (*‘ilm al-bāṭin*). In this case, the poem becomes a work about the mystical path,

its stages and goals. At the same time, the motif of the transience of life acquires a tragic dimension: the mystic may not have time to say the main words. Philological translation demonstrates the complexity and diversity of a relatively short Sufi poetic text.

Ю. А. Саитбатталова

(Уфимский ун-т науки и технологий, Уфа)

**Заемствования из русского языка в Четвероевангелии
на башкирском языке 1902 года издания
(на материале Евангелия от Матфея)¹**

Ключевые слова: перевод сакральных текстов; башкирский язык; заимствованная лексика; четвероевангелие; история языка

Рубеж XIX и XX веков отмечен в том числе началом важнейшего этапа в истории становления башкирского литературного языка, самостоятельного и обособленного от тюрки. Появляются первые письменные памятники на литературном башкирском языке в кириллической графике, много издается новой миссионерской литературы. Литература эта играла особую роль не столько с точки зрения просвещения или распространения христианского вероучения среди местного населения, сколько в качестве эффективного стимула для развития литературного башкирского языка.

Продолжая изучение переводов сакральных текстов на башкирский язык, изданных в указанный период, мы уделяем особое внимание изданию 1902 года, представляющему собой коллективный перевод на башкирский язык синодального текста Четвероевангелия. Перевод интересен тем, что он является попыткой максимально точно передать содержание религиозного текста, созданного средствами литературного русского языка, тогда как башкирский язык не всегда располагал необходимой лексикой и стилистическими средствами. Лексика переводного текста

¹ Работа выполнена в рамках проекта МК-5052.2021.2 Совет по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации.

в основном представлена исконно башкирскими словами. Однако наличие безэквивалентной лексики так или иначе вынуждает авторов перевода прибегнуть к использованию заимствований. Большинство заимствований из русского языка обозначают реалии: 'священник', 'ладан', 'смирна', 'караул' и др. Но есть и исключения, оставшиеся неперевоенными, несмотря на наличие лексического эквивалента — напр., 'святый'. Лексико-статистический анализ рассмотренного текста позволяет реконструировать основные мотивы и способы выстраивания терминологической системы библейского перевода на башкирский язык.

Iuliia A. Saitbattalova

(University of Science and Technologies, Ufa)

**Loanwords from Russian in the Four Gospels in the Bashkir language of 1902 edition
(based on the Gospel of Matthew)**

Keywords: translation of sacred texts; Bashkir language; loanwords; four Gospels; language history

The turn of the 19th and 20th centuries was marked, among other things, by the beginning of an important stage in the history of the formation of the Bashkir literary language, self-sufficient and separate from the Turki language. The first written monuments appear in the literary Bashkir language in the Cyrillic script, a lot of new missionary literature is published. This literature played a special role not so much in terms of enlightenment or dissemination of Christian doctrine among the local population, but as an effective incentive for the development of the literary Bashkir language.

Continuing the study of translations of sacred texts into the Bashkir language, published in the designated period, we pay special attention to the 1902 edition, which is a collective translation into the Bashkir language of the synodal text of the Four Gospels. The translation is interesting in that it is an attempt to accurately convey the

content of a religious text created by means of the literary Russian language, while the Bashkir language did not always have the necessary vocabulary and stylistic means. The vocabulary of the translated text is mainly represented by native Bashkir words. However, the presence of non-equivalent vocabulary somehow forces the authors of the translation to resort to the use of loanwords. Most loanwords from the Russian language denote realities: 'priest', 'ladan', 'myrrh', 'guard', etc. But there are exceptions that have remained untranslated, despite the presence of a lexical equivalent, for example, the word 'saint'. The lexico-statistical analysis of the considered text makes it possible to reconstruct the main motives and ways of building the terminological system of the biblical translation into the Bashkir language.

Н. В. Сафонова

(ИБ РАН)

Особенности изучения народов Кавказа советскими и имперскими этнографами

Ключевые слова: этнография; народы Северного Кавказа; ислам; традиции и современность

В докладе будет рассмотрен процесс сложения представлений об этнических традициях народов Северного Кавказа на основе работ советских и имперских этнографов. В советское время ученые, для описания жителей этого региона, отбирали этнические (полезные) традиции прошлого и настоящего, а также (вредные) религиозные. Так, сложившийся в позднее советское время дискурс об «этническом» был во многом плодом этих работ. Нас будет интересовать, в первую очередь, отношение к исламу и мусульманским обрядам в этнографической историографии. Еще в дореволюционное время этнографы отмечали, что «дух веры слабее действует на Кавказе, нежели нравы и обычаи» (*Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским*, ч.1, 1823. С. 29), и в полевых материалах об устройстве семьи и общины отдельно рассматривались отношения, обусловленные исламом и обычаями. В раннее советское время начинает проводится грань между «настоящим» исламом и народным, последний (включая, напр., культ святых и многоженство) становился объектом резкой критики. Местные «дикие» обычаи также противопоставлялись мусульманским, и их распространение объяснялось отсутствием качественного исламского образования и безграмотностью. Позднее установка начинает меняться и именно религиозные «исламские» пережитки оказываются виноваты в забвении местных «народных» традиций, которые должны были отвечать за сохранение национального самосознания и культурного прошлого (см. напр., Ш. Д. Инал-Ипа. *Традиции и современность*, 1978).

Natalia V. Safonova

(IOS RAS)

Features of learning the Caucasian peoples by Soviet and imperial ethnographers

Keywords: ethnography; Islam; North Caucasus; traditions and modernity

The report will examine the representations of the North Caucasian peoples' ethnic traditions in works written by Soviet and imperial ethnographers. In Soviet times, scholars that describe the inhabitants of this region, differentiated old and nowadays ethnic (or useful) traditions from (harmful) religious. Thus, the discourse about "ethnic" that developed in the late Soviet era was mostly the result of these works. In our report, we will mainly focus on the attitude towards Islam and Muslim rituals in ethnographic historiography. Even in pre-revolutionary period, ethnographers noted that "the spirit of faith is weaker in the Caucasus than customs and rituals" (News about the Caucasus, collected and supplemented by Semyon Bronevsky, part 1, 1823, p. 29), and in their reports based on the field work in the households and communities, they considered separately traditions related to Islam and customs. In earlier Soviet times, a distinction was drawn between "real" Islam and folk Islam, the latter (including, for example, the cult of saints and polygamy) became the object of sharp criticism. Local "wild" customs were also opposed to Muslim ones, and their spread was explained by the lack of high-quality Islamic education and illiteracy. Later, the attitude shifted and the religious Islamic "remnants" were to blame for the oblivion of local "folk" traditions, which goal stood for preservation of national identity and cultural past (see for example: Sh.D. Inal-Ipa Traditions and Modernity, 1978).

Н. И. Сериков

(ИВ РАН)

Абдаллах Кельзи и его перевод басен Крылова на арабский язык как учебное пособие

Ключевые слова: Ф. И. Кельзи (1819–1912); язык; арабский; преподавание; С.-Петербургский университет; восточный факультет; Крылов И. А. (1769–1844); басни; Эзоп (5 в. до н. э.)

Перевод на арабский язык басен И. А. Крылова (1769–1844) впервые был осуществлен около 1863г. обрусевшим армянином сирийского происхождения, алеппинцем Абдаллахом (рус.: Федором Ильичом) Кельзи (1819–1912) عبد الله كزلي. Перевод появился в качестве приложения к составленному им пособию по разговорному арабскому языку (сирийское наречие). Оно было напечатано в 1863г. Типографией Императорской Академии Наук под пространнным титулом: *«Русско-арабские общественные разговоры, составленные в пользу студентов Восточного факультета при Санктпетербургском университете и приспособленные к разговорно-арабскому наречию, употребляемому в Сирии и в провинциях Турецких и Персидских, Ф. Кельзи (из Алепо), преподавателем арабского языка при том же Университете. С прил. опыта перевода басен И. А. Крылова на арабском языке».*

Перевод десяти басен И. А. Крылова «Ворона и лисица», «Дуб и трость», «Лягушка и вол», «Разборчивая невеста», «Прохожие и собаки», «Заяц на ловле», «Мешок», «Лань и дервиш», «Фортуна и нищий», «Вельможа» охватывает 23 страницы (109–132). Автор осторожно озаглавил его как «опыт». Этот «опыт» был практически обойден вниманием исследователей за исключением краткой статьи И. Ю. Крачковского «Арабские переводы басен Крылова» (1922), который сконцентрировал внимание на отборе арабской лексики, но не на дидактических особенностях самого перевода. Позже его выводы повторил А. Е. Крымский.

Мой анализ показал, что ценность перевода Кельзи кроется не в изяществе арабского слога, но как раз именно в дидактике. Разберем пример.

<i>И.А. Крылов</i>	<i>А. Кельзи</i>	<i>Перевод на русский с арабского</i>
Вороне где-то Бог послал кусочек сыру.	بعث الله للغراب قسمة من الجبن	Послал Бог вороне кусочек сыра.
На ель Ворона взгромоздясь,	فالغراب تكوم على شجرة التنوب	Ворона уселась на дерево ель (устроилась на дереве).
Позвтракать совсем уж собралась,	وكان متحضرا للفظور	Она приготовилась к завтраку.
Да призадумалась. А сыр во рту держала.	ومتفكرا وكان ما سك الجبن بفمه	Она задумалась. Кусок сыра был у нее во рту.

Приведенный текст показывает, что Кельзи преднамеренно «снизил» стиль Крылова и обходился простыми словами. Равно и синтаксис донельзя был упрощен.

بعث الله للغراب قسمة من الجبن

Практически любой стих басен Крылова может существовать самостоятельно и даже разбит на отдельные блоки, например, «Вороне где-то Бог послал кусочек сыру». Перевод на арабский осуществлен почти дословно: بعث الله للغراب قسمة من الجبن. глагольным предложением. Оно введено глаголом «послал» (بعث), подлежащим (фаъил) оказывается «Бог» (الله), а дополнением (мафъул биhi) «кусочек» (قسمة). Крыловское «где-то», придающее повествованию колорит, опущено.

Любой блок (или блоки), будучи несвязанными между собою, могли дальше компоноваться студентом по своему усмотрению и, таким образом, составляться новые предложения и повествования. Иными словами, это явление напоминало средневековые латинские и греческие центоны.

Пример: «Шли два приятеля вечернюю порой» [Прохожие и собаки, v. 1] «С истертою и ветхою сумой» [Фортуна и нищий,

v. 1], «Тот не в чинах, другой без орденов» [Разборчивая невеста, v. 18]. «И то не так, и тот дурак» [Мешок, v. 27,28]. «Короче, тысячи таких примеров есть» [Фортуна и нищий, v. 28].

По-арабски это звучит так: اثان من الاصحاب كانا ماديان في وقت المسا (١) مع كيس عتيق وبال (٢) هذا بلا رتب ذاك بلا نياشين (٣) هذا ليس كذا وذاك هو احمق (٤) فعلى هذا المثل توجد الوف (٥)

По-видимому, получается неплохо. Не будем забывать, что в баснях Крылова (в отличие, например, от И. И. Хемницера 1745–1784 или И. И. Дмитриева 1760–1837) , как правило, присутствуют короткие диалоги, что делает повествование проще и одновременно энергичнее. В этом смысле басни Крылова действительно оказались находкой для преподавателя иностранных языков, чем мастерски и воспользовался А. Кельзи.

Nikolaj I. Serikoff

(IOS RAS)

The didactic value of Abdallah Kilzi's translation of Krylov's fables from Russian into Arabic

Keywords: Kelzi Abdallah (1819–1912); language; Arabic; didactics; St. Petersburg University; Oriental faculty; Krylov Ivan Andreevich (1769–1844); fable; genre; literary; Aesopus (5th cent. BC)

The first translation into Arabic of the fables by the Russian poet Ivan Krylov (1769–1844) appeared around 1863. It was carried out by Abdallah (Russ.: Fyodor Ilyich) Kilzi (1819–1912) عبد الله كزبي the russified Armenian from Aleppo. The translation appeared as an appendix to his manual on colloquial Syriac Arabic. The book under a lengthy Russian title (*Русско-арабские общественные разговоры, составленные в пользу студентов Восточного факультета при Санктпетербургском университете и приспособленные к разговорно-арабскому наречию, употребляемому в Сирии и в провинциях Турецких и Персидских, Ф. Кельзи (из Алепо), преподавателем арабского языка при том же Университете С прил. опыта пере-*

вода басен И.А. Крылова на арабском языке) was printed by the Printing House of the Russian Academy in St. Petersburg in 1863. The pages 109–132 comprise the translation of ten fables by I. A. Krylov, "The Crow and the Fox", "The Oak and the Cane", "The Frog and the Ox", "The Choosy Bride", "Passers-by and Dogs", "The Hare on the Hunting", "The Sack", "The Doe and the Dervish", "Fortune and the Beggar" ", "The Nobleman". Abdallah Kilzi, the translator carefully titled this section as an "essay". This "essay" and its value was practically ignored by researchers, with the exception of a brief article by the Doyen of Arabic studies in Russia I.Yu. Krachkovsky "Arabic translations of Krylov's fables" (1922), who focused on the Arabic vocabulary, however, not on the didactic value of the work. His judgement was later repeated by the Ukrainian Arabist A. E. Krymsky.

My analysis showed that the value of Kilzi's translation lies first and foremost not in the elegance of the translation, but precisely in didactics. Below is an example.

<i>Ivan Krylov</i>	<i>Abdallah Kilzi</i>	<i>Translation from Arabic into English</i>
Вороне где-то Бог послал кусочек сыру.	بعث الله للغراب قسمة من الجبن	The God sent a crow a piece of cheese.
На ель Ворона взгромоздясь,	فالعقاب تكوم على شجرة التنوب	The crow has settled himself on a fir tree.
Позвтракать совсем уж собралась,	وكان متحضرا للفطور	He has prepared himself to begin with a breakfast.
Да призадумалась. А сыр во рту держала.	ومتفكرا وكان ما سك الجبن بفمه	He started to think (about something). The piece of cheese was in his mouth.

The above text shows that Abdallah Kilzi deliberately "lowered" the style of the original Russian text and managed with simple words. For example, the syntax is utterly simplified.

Any Krylov's verse can be divided into separate blocks, which can remain independent and not be followed: " Вороне где-то Бог по-

слал кусочек сыру ". The translation into Arabic (بعث الله للغراب قسمة من الجبن) is made by a verbal sentence. It is introduced by the verb "sent" (بعث), the subject (*fa'il*) is "God" (الله), and the direct object (*maf'ul bihi*) is here "a piece" (قسمة). The Russian word «где-то», which conveys an additional taste to the whole narration in Russian is omitted in Arabic.

As soon as almost every Krylov's verse can be easily reduced to this kind of elementary block (or blocks), they in turn could be arranged by a student at his own discretion. The result would look as sentences, even new narratives, which is not dissimilar to the Medieval Latin *cento*.

For example: «Шли два приятеля вечернюю порой» (Two friends were walking in the evening) [Passers-by and dogs, v. 1] «С истертою и ветхою сумой» (With a worn out and dilapidated bag) [Fortune and the beggar, v. 1], «Тот не в чинах, другой без орден» (This one does not have a position, the other is without decorations) [The Choosy Bride, v. 18]. «И то не так, и тот дурак» (This is wrong, and that one is a complete fool) [The Sack, v. 27, 28], «Короче, тысячи таких примеров есть» (In short, there are thousands of such examples") [Fortune and the Pauper, v. 28].

Below is the new text in Arabic: اثنان من الاصحاب كانا ماديان في وقت المساء (١) مع كيس عتيق وبال (٢) هذا بلا رتب ذاك بلا نياشين (٣) هذا ليس كذا وذاك هو احمق (٤) فعلى هذا المثل توجد الوف (٥)

Apparently, it was working out well. Let's not forget that Krylov's fables (unlike, for example those by Ivan Khemnitzer 1745–1784 or Ivan Dmitriev, 1760–1837), as a rule, feature short dialogues, which makes the narration simpler and at the same time more energetic. In this sense, Krylov's fables really turned out to be a "blessing" for a foreign language instructor, which Abdallah Kilzi masterfully took advantage.

А.Э. Терехов
(ИВР РАН; СПбПУ)

**Тематика фрагментов утраченного текста
как результат его восприятия в традиции
(на примере апокрифа *Мин ли сюй*)**

Ключевые слова: утраченные тексты; фрагменты; цитаты; *Мин ли сюй*; Древний Китай

Мин ли сюй — представитель корпуса т. н. апокрифических текстов, возникших и пользовавшихся значительной популярностью в Китае первых веков н. э., но впоследствии утраченных и дошедших до наших дней лишь в виде цитат в других сочинениях. Этот памятник выделяется на фоне прочих апокрифов за счёт специфической темы: насколько можно судить, он был посвящён системе древнейшей истории мифологического толка, не имеющей аналогов в более ранних текстах. Тем не менее, число дошедших до наших дней фрагментов «Мин ли сюй», посвящённых непосредственно древнейшей истории, значительно меньше, чем можно было ожидать. Причиной этого, вероятно, стали особенности восприятия этого памятника: в различные периоды истории он рассматривался в контексте то истории, то календарной науки, то литературы, что напрямую влияло на характер и содержание цитируемых фрагментов. Исследование показывает, что в качестве исторического текста *Мин ли сюй* воспринимался на протяжении двух периодов: в III–VI вв. и в XII–XIX вв., однако соответствующие памятники первого из них также не дошли до наших дней, а ко второму уже был утрачен сам апокриф. В результате содержащиеся в «*Мин ли сюй*» сведения историко-мифологического характера дошли до нас преимущественно случайно, в составе цитат, сохранившихся не из-за исторической ценности, а по причине наличия в них образов, эффектных с точки зрения литературы.

Anthony E. Terekhov

(IOM RAS; SPbSTU)

**The subject area of the fragments of a lost text
as a result of its perception in the tradition:
the case of the apocryphal text *Minglixu***

Keywords: Lost Texts; Fragments; Quotations; *Minglixu*; Early China

Minglixu is a representative of the corpus of the so-called apocryphal texts that arose and enjoyed considerable popularity in China in the first centuries CE, but subsequently were lost and survived only in the form of quotations in other writings. This text stands out against the background of other Apocrypha due to a specific topic: as far as one can judge, it was dedicated to a system of the ancient history of a mythological nature, which has no analogs in earlier texts. However, the number of surviving fragments of the *Minglixu* dedicated directly to ancient history is much less than one might expect. The reason for this, probably, was the peculiarities of the perception of this text: at different periods of history, it was apprehended in the context of either history, or calendar science, or literature, which directly influenced the nature and content of the quoted fragments. The study shows that *Minglixu* was perceived as a historical text during two periods: in the 3rd–6th centuries and in the 12th–19th centuries; however, the corresponding texts dating from the first also did not survive to this day, while the Apocrypha itself was already lost by the second. As a result, the information of a historical and mythological nature contained in *Minglixu* came to us mainly by accident, as part of quotations that have survived not because of historical value, but because of the images spectacular from the literary perspective.

Д. М. Тимохин

(ИВ РАН)

Об одном позднем продолжении *Тарих ал-Бузара* Наджм ад-дина Абу-л-Резы ал-Кумми

Ключевые слова: домонгольская историография; история визирей; Кермани; ал-Кумми; Сельджуки

Сочинение Наджм ад-дина Абу-л-Резы ал-Кумми *Та'рих ал-Бузара* является памятником мусульманской историографии XII в. и написано в жанре «история визирей» (Реасокс 2015: 15). Сам этот памятник следует считать продолжение более раннего текста *Футур аз-заман ас-судур ва судур заман ал-футур*, которое приписывается Ануширвану ибн Халиду Кашани (1066/1067–1137/1139), сам ал-Кумми сообщает о личном знакомстве с самим Кашани и его трудом (Реасокс 2014(2): 83). При это собственно труд ал-Кумми известен также и под названием *Зайли Нафзат ал-Масдур*, что отсылает нас все к тому же тексту *Футур аз-заман*, который фигурировал с названием *Нафзат ал-Масдур* (Реасокс 2014(1): 4). Впрочем, непосредственно сочинению ал-Кумми нами уже было уделено пристальное внимание в специально исследовании (Тимохин 2020: 98–108), поэтому в этом докладе нам хотелось бы обратить внимание на позднюю компиляцию и отчасти продолжение этого текста. Речь идет о сочинении *Наса'им ал-сихр* известного исследователям автора XIV в., каким по праву следует считать Насир ад-дина Мантуши (Мунши) Кермани (al-Qummi 1985/1363: 42). Помимо этого сочинения, его перу принадлежат еще два текста: один из них представляет собой дидактическое сочинение хорошо известное исследователям под названием *Кетаб-е егд-ол-Олла* а второе является примером «локальной истории» области Керман (Cahen 1977: 60; A history of Persian literature 2012: 153–154). Однако в нашем случае мы целиком сосредоточимся на анализе *Наса'им ас-сихр*, как менее известного востоковедам исследования и по-

стараемся сравнить его текст с более ранним вариантом — *Ta'rikh al-Wuzara* ал-Кумми. Подобного рода исследование позволит лучше понимать особенности текста конкретной поздней компиляции, то есть *Nasa'im al-sihr*, а также выделить включения в текст последнего сведений, которые отсутствуют у ал-Кумми. Надеемся, что этот доклад способствует усилению интереса востоковедов к текстам домонгольского периода, написанным в жанре «истории визирей», равно как и к поздним их продолжениям.

Dmitri M. Timokhin

(IOS RAS)

**About one late continuation of *Tarikh al-Wuzara*
by Najm ad-Din Abu'l-Reza al-Qummi.**

Keywords: pre-Mongol historiography; history of viziers; Kermani; al-Qummi; Seljuks

The work by Najm al-Din Abu'l-Reza al-Qummi *Ta'rikh al-Wuzara* is a monument of Muslim historiography of the 12th century written in the genre of "history of the viziers" (Peacock 2015: 15). The very work should be considered a continuation of the earlier text *Futur az-zaman as-sudur wa sudur zaman al-futur* attributed to Anushirvan ibn Khalid Kashani (1066/67–1137/39 AH); al-Qummi himself reports a personal acquaintance with Kashani and his work (Peacock 2014(2): 83). At the same time, the actual work of al-Qummi is also known as *Zayli Nafzat al-Masdur*, referring us to the same text *Futur az-zaman*, which appeared under the title *Nafzat al-Masdur* (Peacock 2014(1): 4). However, close attention has been already paid to al-Qummi's composition in a special study (Timokhin 2020: 98–108), so in this paper we'd like to draw attention to the late compilation and partial continuation of this text, bearing in mind the composition *Nasa'im al-sihr* by a 14th century author known to researchers, who should rightfully be considered Nasir ad-Din Mantushi (Munshi) Kermani (al-Qummi

1985/1363: 42). In addition to this work, two more texts belong to his pen: one of them is a didactic work well known to researchers under the title *Ketab-e egd-ol-Olla*, while the other is an example of the «local history» of the Kerman region (Cahen 1977: 60; A history of Persian literature 2012: 153–154). However, in our case, we are entirely focusing on the analysis of *Nasa'im al-sihr* as a study less known to orientalists, and trying to compare its text with an earlier version — *Ta'rikh al-Wuzara* by al-Qummi. This kind of research will allow us to better understand the features of the text of a particular late compilation, viz. *Nasa'im al-sihr*, and also highlight the inclusion of information in the text of the latter that al-Qummi has omitted. We hope that this paper will contribute to the strengthening of orientalists' interest in the texts of the pre-Mongol period written in the genre of "history of the viziers", as well as their later continuations.

М. В. Торопыгина
(ИВ РАН; ИКВиА НИУ ВШЭ)

**«Мировая литература» в японской серии
«Полное собрание мировой литературы»
(1927–1932 гг.)**

Ключевые слова: японская культура; мировая литература; история книги; серийное издание; однойеновая книга; издательство «Синтёся»; «Полное собрание мировой литературы»

Понятию «мировая литература» посвящено немало научных исследований, однако содержание этого термина остается дискуссионным вопросом. Японская книжная серия «Полное собрание мировой литературы» является примером того, что понималось под «мировой литературой» в Японии начала периода Сёва (1926–1989).

В первые годы Сёва в Японии были изданы большие книжные серии, каждый том которых имел фиксированную цену в одну йену («однойеновые книги»). Первое такое издание, выпущенное издательством «Кайдзосё» «Полное собрание современной японской литературы», имело тираж 25 тыс. экземпляров, тогда как обычный тираж книги составлял 1–2 тыс. экземпляров. Успех «Кайдзосё» привел к тому, что подобные серии стали издаваться одна за другой.

Самой удачной по тиражу серией 1-йеновых книг было «Полное собрание мировой литературы» издательства «Синтёся». Серия состоит из 2 частей: первая (38 томов) была выпущена в 1927–1930 гг., вторая (19 томов) — в 1931–1932 гг.

Анализ первой части «Полного собрания мировой литературы» (его общей структуры, отбора авторов и произведений, принципов составления и названия отдельных томов, соотношения жанров) показывает, что собрание подразделяет литературу на «классическую», «нового времени» и «новую»; наибольшее

количество томов включают прозаические произведения, широко представлена драматургия, поэзии посвящен всего один том; под «мировой литературой» создатели серии понимают европейскую и американскую литературу.

Maria V. Toropygina

(IOS RAS; IOCS NRU HSE)

"World Literature" in the Japanese Series
Complete Works of World Literature (1927–1932)

Keywords: Japanese culture; world literature; book history; serial edition; one-yen book; Shinchōsha; *Complete Works of World Literature*

The concept of "world literature" has been the subject of much scientific research, but the content of this term remains a matter of debate. The Japanese book series the *Complete Works of World Literature* is an example of what is meant by "world literature" in Japan during the early Showa period (1926–1989).

In the early years of the Showa period large book series were published in Japan, with each volume having a fixed price of one yen ("one-yen books"). The first such edition the *Complete Works of Contemporary Japanese Literature*, published by Kaizōsha Publishing House, had a circulation of 25,000 copies, while the usual circulation of a book was 1,000–2,000 copies.

The success of Kaizōsha led to the fact that similar series began to be published one after another. The most successful in terms of circulation was the *Complete Works of World Literature* published by Shinchōsha. The series consists of two parts, the first, including 38 volumes, was released in 1927–1930, the second (19 volumes) — in 1931–1932.

An analysis of the first part of the *Complete Works of World Literature* (its general structure, selection of authors and works, principles

of compilation and titles of individual volumes, correlation of genres) shows that the collection divides literature into “classical”, “modern” and “new”; the largest number of volumes include prose works, dramaturgy is widely represented, and only one volume is devoted to poetry; by “world literature” the creators of the series mean European and American literature.

Е. В. Тюлина

(ИБ РАН)

Представления о времени в текстах о пространстве (по материалам текстов по *вастувидье* из *пуран*)

Ключевые слова: древняя и средневековая Индия; *пураны*; *вастувидья*; представления о времени и пространстве

Пураны — «сказания о прежних временах» и являются своеобразными изложениями «историй» мира. В них по сравнению с предшествующей литературой большое внимание уделяется идеи времени. В этих огромных произведениях, посвященных истории создания вселенной и ее последовательному описанию, все мироздание представляется как проявление верховного божества (в зависимости от направления *пураны* Вишну или Шивы). Важность временной составляющей объясняется тем, что верховный бог имеет не только материальное, «телесное» проявление в виде *Пуруши* (некого существа, из которого произошла вселенная), но и в форме *Калы* (*kala*), т.е. времени. Косвенно протяженность во времени в *пуранах* оказывается связанной с «протяженностью» текста (длительностью его чтения или воспроизведения), что влияет на объем этих памятников: они включают в свой состав огромный корпус произведений, начиная от мифологических и ритуальных текстов, кончая трактатами по различным отраслям знания. Залогом формальной цельности *пуран* является то, что все тексты, даже узкоспециальные, подвергаются переработки в соответствии с некоторыми общими установками. При этом в изложение любой темы появляется временная составляющая. Это коснулось даже таких текстов, как *вастувидья* (тексты по строительству и архитектуре), которые посвящены скорее категории пространства, а не времени, так как в них излагаются принципы организации и освящения пространства любых рукотворных объектов и их окружения. В *пуранах* в текстах *вастувидьи* появляется прошлое — некая «история» воз-

никновения основных ритуалов (например, история появления строительной *мандалы*). Но основное направление времени — будущее. Рекомендации о наиболее предпочтительных размерах, пропорциях, планировки подкрепляются предсказаниями о том, как это повлияет на судьбу жителей строящихся зданий. Для этого используется народная традиция гаданий и примет. В докладе предполагается показать эти и другие приемы, благодаря которым узкоспециальный текст *вастувидьи* преобразуется в «пуранический» текст.

Elena V. Tyulina

(IOS RAS)

**Representations of time in texts about space
(based on the materials of *vastu vidya* texts
in the *Puranas*)**

Keywords: ancient and medieval India; *Puranas*; *vastu vidya*; concepts of time and space

The *Puranas* are "tales of former times" and are a kind of exposition of the "history" of the world. In them, in comparison with the previous literature, much attention is paid to the idea of time. In these huge works devoted to the history of the creation of the universe and its consistent description, the entire universe is presented as a manifestation of the supreme deity (depending on the direction of the *Purana* Vishnu or Shiva). The importance of the temporal component is explained by the fact that the supreme god has not only a material, "bodily" manifestation in the form of *Purusha* (a certain being from which the universe originated) but also in the form of *Kala*, i.e. time. Indirectly, the length of time in the *Puranas* is related to the "length" of the text (the duration of its reading or reproduction), which affects the volume of these works, they include a huge corpus of works, ranging from mythological and ritual texts, ending with treatises on various branches of knowledge. The key to the formal integrity of the Pu-

ranas is that all texts, even highly specialized ones, are processed following some general guidelines. At the same time, a temporary component appears in the presentation of any topic. This has even affected texts such as *vastu vidya* (texts on construction and architecture), which are devoted to the category of space rather than time since they set out the principles of organizing and sanctifying the space of any man-made objects and their surroundings. In the *Puranas*, the past appears in *vastu vidya* texts. This is a kind of "history" of the origin of the main rituals (for example, the history of the appearance of the *vastu-mandala*). But the main direction of time is the future. Recommendations about the most preferred sizes, proportions, and layouts are supported by predictions about how this will affect the fate of residents of buildings under construction. For this purpose, the folk tradition of fortune-telling and signs is used. It is assumed that the paper will show these and other ways in which a highly specialized *vastu vidya* text is transformed into a "puranic" text.

М. В. Фролова

(ИСАА МГУ)

**Традиционный мотив путешествия
в романах индонезийского писателя
Хабибурахмана эль Ширази (2000-е гг.)**

Ключевые слова: мотив путешествия; мусульманская литература; путевые заметки; Хабибурахман эль-Ширази; массовая культура

Одновременно с политическими изменениями, в начале 2000-х гг. в Индонезии начинает набирать обороты массовая исламизация «второй волны». Для удовлетворения нового запроса общества появляется множество продуктов массовой культуры. «Мягкой силой» для приобщения масс к исламу служат произведения писателя Хабибурахмана эль-Ширази (род. 1976, Семаранг, Центральная Ява). Для его романов характерны сюжеты о заблудших, о грешниках и праведниках. Автор использует форму повествования от первого лица, молодого индонезийца, уехавшего изучать ислам за границу — в Египет (*Ayat-ayat Cinta* «Аяты любви», 2004) и Россию (*Bumi cinta* «Земля любви», 2010). Мотив путешествия имеет фольклорные корни и восходит к мифологическому сценарию инициации главного героя через посещение мира мертвых. Сказания и волшебно-авантюрные повестихикайаты средневекового типа также построены на сюжетобразующем мотиве путешествия (например, цикл о принце Панджи). Нусантара знакомится с исламом постепенно, и к XVI–XVII в. малайские и яванские литературы уже хорошо адаптировали ближневосточные образцы (повести об Искандере Двурогом, Амуре Хамзе и т.д.). Далее в регионе, как и на Ближнем Востоке, в переходный период к литературе современного типа особую роль играет жанр путевых заметок — в его расширенный функционал входили политические, религиозные вопросы, социальная критика (хикайаты Абдуллаха Мунши). Традиционный мо-

тив путешествия в романах Хабибуррахмана Эль Ширази реализуется как экскурсия, знакомство с нравами россиян и египтян соответственно. В поэтике Эль Ширази Каир и Москва противопоставлены как мир праведников и мир разврата. Основной посыл творчества — приобщить массового читателя к религии, погружая героя своих романов в непростые испытания, которые способен пройти только верующий. Эти задачи реализуются в увлекательной манере «изучения нравов», что достаточно сохраняет традицию описания чудес заморских стран.

Marina V. Frolova

(IAAS MSU)

Traditional travel motif in the novels by Indonesian writer Habiburrahman El Shirazy (2000's)

Keywords: Travel motif; Muslim literature; travelog; Habiburrahman El Shirazy; mass culture

Simultaneously with the political changes in Indonesia in the early 2000s, the "second wave" Islamization became a phenomenon of the mass culture. To meet the new demand of society, a lot of products of mass culture appeared, mainly books and films. The works of the popular writer Habiburrahman El Shirazy (b. 1976, Semarang, Central Java) also serve as "soft power" for introducing Islam to the masses. The author gained fame and recognition, his numerous texts tell us about love and honor, sinful way of life and retribution. The author uses the first person form of narration, a young Indonesian man, who went to study Islam abroad — to Egypt (*Ayat-ayat Cinta* "Verses of Love", 2004) and Russia (*Bumi cinta* "Loveland", 2010).

The motif of the journey has folklore roots and goes back to the mythological scenario of the protagonist's initiation through a visit to the world of the dead. Tales and magical adventurous stories — *hikayat*'s of the medieval type of literature are also built on the plot-forming motif of the journey (for example, the Prince Panji cycle).

Nusantara got acquainted with Islam gradually, and by the 16th–17th centuries Malay and Javanese literatures have already well adapted Middle Eastern literary works (tales about Iskander the Two-horned, Amir Hamza, etc.). Further in the region, as well as in the Middle East, in the transition period to modern literature, the genre of travel notes plays a special role – it extended its functionality to political, religious issues, and social criticism (Hikayat's by Abudullah Munshi). The travel motif in the novels of Habiburrahman El Shirazy becomes similar to an excursion, an acquaintance with the Russians and the Egyptians. In the literary works of El Shirazi, Cairo and Moscow are opposed as the realm of the pious and the sin city. The main message of creativity is to introduce the mass reader to religion, plunging the hero of his novels into difficult trials that only a devoted Muslim can pass. These tasks are carried out in a captivating "study of manners" way, which retains the tradition of describing the wonders of overseas countries.

И. И. Ханмурзаев, М. Н. Османова

(ИИАЭ ДНЦ РАН)

**Сведения биографического характера
о Юсуфе-афанди ал-Йахсави (из маргиналий
в рукописи, принадлежавшей ученому)**

Ключевые слова: Дагестан; ученые-‘алимы; шари‘ат; арабский язык; рукописная книга; маргинальные записи; семейный хронограф; генеалогическое древо

В плеяде крупных дагестанских религиозных ученых и активных политических деятелей середины XIX в. Юсуф-афанди, сын Мусы-хаджи Клычева из Аксая (ал-Йахсави) занимает особое место. Соотечественники запомнили Юсуфа ал-Йахсави в первую очередь как противника Имама Шамиля, отрицавшего легитимность его власти по нормам шари‘ата и активно выступавшего против бесперспективной, по его мнению, вооруженной борьбы с Российской Империей. Аргументируя свои доводы, он приводил положение шари‘ата о "запретности джихада заведомо слабого против более сильного врага", пытаясь отговорить имамов от столь рискованного мероприятия любыми средствами, сначала убеждая, а позже даже обвиняя их. Следует отметить, что Юсуф-афанди был далеко не одинок в своих убеждениях: с подобными заявлениями и воззваниями выступали и другие дагестанские ученые-‘алимы.

Личность Юсуфа-афанди всегда приковывала внимание историков, интересующихся периодом Кавказской войны. Блестяще образованный, владеющий местными и восточными языками, Юсуф ал-Йахсави пользовался большим уважением среди ‘алимов Дагестана, признававших его знатоком арабского языка и литературы, и особенно религиозных наук. В родном селении Аксай Юсуф продолжительное время был *кадием*, совмещая эту должность с преподаванием в местном *медресе*.

Об общественной жизни Юсуфа-афанди известно достаточно много: военная служба в Царской армии в Санкт-Петербурге (1825-1842), работа *кадием* Кумыкского Окружного народного суда (до 1860 г.), служба в Терской областной администрации. Ученый обладал огромным авторитетом среди соотечественников и имел богатый жизненный опыт, трижды совершил *хадж*.

Однако, о семье Юсуфа ал-Йахсави сохранились весьма немногочисленные сведения. Значительно обогатить их позволило изучение рукописей, принадлежавших ученому. Сохранилась часть библиотеки Юсуфа-афанди (20 книг на арабском и тюркском языках), в настоящее время принадлежащая его потомку Юсупу Клычеву, жителю г. Хасавюрт (Дагестан). Среди них — *Макамат ал-Харири* Мухаммада ибн ал-Касима ал-Харири ал-Басри (1054–1122), одно из любимых произведений Юсуфа, переписанное его рукой. На полях этого манускрипта были обнаружены важные для потомков ученого внетекстовые записи на арабском языке, представляющие большой интерес также и для историков. По сути, это краткий семейный хронограф, в котором ученый фиксирует даты рождения своих потомков. Интересная деталь: ал-Йахсави приводит даты рождения своих детей, применяя разные календари летоисчисления, в данном случае фиксация даты приводятся по хиджре и по 12-летнему календарю животного цикла, который, как известно, использовался, помимо кочевых скотоводческих народов Центральной Азии, тюркскими народами Северного Кавказа, к числу которых относятся и кумыки.

Сопоставив данные, полученные при изучении маргинальных записей в вышеупомянутой рукописи, с устными источниками и тетрадью поколенных росписей семьи Клычевых, любезно предоставленных нам Солтанахмедом Клычевым, потомком Юсуфа-афанди, удалось установить точное количество детей Юсуфа-афанди, их полные имена, даты рождения, а также составить генеалогическое древо известного в Засулакской Кумыкии рода Клычевых. Кроме того, стал известен точный временной

отрезок службы Юсуфа ал-Йахсави в Императорском конвое и другие важные моменты в его жизни.

Таким образом, благодаря изучению маргинальных записей из рукописи *Макамат ал-Харири*, принадлежавшей известному дагестанскому религиозному деятелю и ученому Юсуфу-афанди ал-Йахсави и переписанной его рукой, становятся известны важные даты его жизненного пути, имеющие связь с некоторыми историческими событиями страны и края, имена и даты рождения его потомков, что позволяет составить генеалогическое древо известного в Северном Дагестане рода кумыкских первостепенных узденей.

Ismail I. Khanmurzaev, Milena N. Osmanova

(Institute of History, Archeology and Ethnography,
Daghestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences)

Biographical information about Yusuf Afandi al-Yahsawi (from marginalities in the scientist's manuscript)

Keywords: Daghestan; scholars-alims; shari'a; Arabic; handwritten book; marginalities; family chronograph; family tree

Yusuf Afandi, the son of Musa-Hadji Klychev from Aksai (al-Yahsawi) occupies a special place in the galaxy of major Daghestan religious scientists and active political figures of the middle of 19th century. Compatriots remembered Yusuf al-Yahsawi primarily as an opponent of Imam Shamil, who denied the legitimacy of his power according to Shari'a law and actively opposed the futile, in his opinion, armed struggle with the Russian Empire. While giving his arguments, he cited the Shari'a provision on "the prohibition of jihad of a deliberately weak against a stronger enemy", trying to dissuade the imams from such a risky event by any means, first convincing, and later even accusing them. It should be noted that Yusuf Afandi was far from alone in his conviction: other Daghestani scientists-alims also made similar statements and appeals.

The figure of Yusuf Afandi has always attracted the attention of historians interested in the period of the Caucasian War. Brilliantly educated, fluent in local and Oriental languages, Yusuf al-Yahsawi was highly respected among the Alims of Daghestan, who recognized him as an expert in Arabic language and literature, and especially religious sciences. In his native village Aksai Yusuf was a Qadi for a long time, combining this position with teaching at a local *madrasah*.

Quite a lot is known about the public life of Yusuf Afandi: military service in the Tsarist Army in St. Petersburg (1825–1842), work as a Qadi of the Kumyk District People's Court (until 1860), service in the Terek Regional Administration. The scientist had great authority among compatriots and had a rich life experience, he went to Hajj three times.

However, very scant information has been remained about the family of Yusuf al-Yahsawi. The study of manuscripts belonged to the scientist allowed to enrich this information substantially. A part of Yusuf Afandi's library has been preserved (20 books in Arabic and Turkic), currently owned by his descendant Yusup Klychev, a resident of Khasavyurt (Daghestan). Among this books is *Maqamat al-Hariri* by Muhammad ibn al-Qasim al-Hariri al-Basri (1054–1122), one of Yusuf's favorite compositions, copied by his hand. In the margins of this manuscript there had been found out-of-text records in Arabic, important for the descendants of the scientist and very interesting to the historians. In fact, it is a short family chronograph in which a scientist recorded the dates of birth of his descendants. An interesting detail: al-Yahsawi gives the dates of birth of his children, using different calendars of chronology: in this case, the dates are fixed according to the Hijra and according to the 12-year calendar of the animal cycle, which, as is known, was used, in addition to the nomadic pastoral peoples of Central Asia, by the Turkic peoples of the North Caucasus, which include the Kumyks.

Comparing the data obtained during the study of marginalities in the above-mentioned manuscript with oral sources and the notebook

of generational records of Klychev family, kindly provided to us by Soltanakhmed Klychev, a descendant of Yusuf Afandi, it became possible to establish the exact number of Yusuf Afandi's children, their full names, dates of birth, and also to compile a family tree of Klychev family, which is well-known in Zasulak Kumykia. In addition, the exact time period of Yusuf al-Yahsawi's military service in the Imperial Convoy and other important moments in his life became clear.

Thus, owing to study of marginalities from the manuscript *Maqamat al-Hariri*, belonged to the famous Daghestan religious figure and scientist Yusuf Afandi al-Yahsawi and copied by his hand, the important dates of his life path connected with some historical events of the country and the region, names and dates of birth of his descendants become known. This makes it possible to compile a genealogical tree of the Kumyk major uzdens family, well-known in the Northern Daghestan.

Д. В. Цветков
(СПбГИК)

**Влияние китайской культуры
на общественно-политические процессы в России
XVIII в. на примере труда А. Л. Леонтьева
«Китайские мысли»**

Ключевые слова: Китайская культура; история России XVIII в.; перевод с китайского языка на русский; культурное влияние; Эпоха Просвещения; масонство

Данный доклад посвящен исследованию книги переводчика с китайского и маньчжурского языков А. Л. Леонтьева «Китайские мысли» в контексте социально-политической жизни России второй половины XVIII в. Данный труд представляет собой собрание переводов рассуждений об управлении государством и наставлений правителям, написанных в разные периоды истории Китая. Было установлено, что структура «Китайских мыслей» была заимствована у популярных в те времена руководств по воспитанию молодежи. Эти руководства были ориентированы на представителей образованной молодежи, которые, в будущем, должны были занимать государственные посты. Из этого можно сделать вывод о том, что «Китайские мысли» могли выполнять аналогичную функцию. Книга была напечатана в Типографии Императорской Академии наук. Во второй половине XVIII в., в Академии наук состояло большое количество масонов. На основании этого, можно предположить, что публикация «Китайских мыслей» могла быть сделана в рамках просветительской деятельности представителей русского масонства.

Dmitry V. Tsvetkov
(SPb. State Institute of Culture)

**Chinese cultural influence on social and political life
in the 18th century Russia, based on the text of
“Chinese thoughts” by A. L. Leontiev**

Keywords: Chinese culture; history of Russia in the XVIIIth. century; translation from Chinese into Russian; cultural influence; Era of Enlightenment; masons

This presentation concerns the research of the book “Chinese thoughts” by a translator from Chinese and Manchu, Alexei L. Leontiev in context of social and political situation in Russia in the 18th century. The book consists of translations of discussions about state government, along with teachings for emperors, which were written by different authors, in various periods of Chinese history. It has been determined that the structure of “Chinese thoughts” was borrowed from textbooks about education of young people, which were popular in this historical period. Those textbooks had been oriented to young people who were to take government posts in the future. Thus, we can state that “Chinese thoughts” could have the same function. The book was printed in the Typography of Imperial Academy of Sciences. In the second part of the 18th century, a lot of masons served in the Russian Academy of Sciences. Thus, we can suppose that the publication of “Chinese thoughts” was part of Russian masons’ educational activity.

Н. Ю. Чалисова
(ИКВиА НИУ ВШЭ)

**Что в имени,
или термин *pahlavī* в контекстах и переводах**

Ключевые слова: пехлеви; среднеперсидская литература; персидская классическая поэзия

На протяжении двух с лишним тысячелетий термин *pahlavī* приобрел в культуре Ирана немало значений — от первоначального лингвонима и этнонима до названия мелодии классической музыки, а значительно позже — и последней шахской династии, золотой монеты и фасона головного убора. Этимологически производный от *pahlav* «парфянский», этот термин закрепился не как обозначение собственно парфянского (иранского языка северо-западной группы), но стал использоваться как определение словесности сасанидского периода — пехлевийской книжной литературы, записанной на среднеперсидском языке (*pārsīk*, языке юго-западной группы) и, в основном, курсивной разновидностью письма, восходящего к парфянскому *пахлавик*. В мусульманское время у термина *pahlavī*, наряду с набором коннотаций, отсылающих к иранской старине, появляется еще одно значение. Сначала в арабских сочинениях, а затем и в персидских так стала обозначаться совокупность местных диалектов, распространенных в исторической области Пахлав (Исфахан, Рей, Хамадан, Нахаванд и часть Азербайджана). На этом пехлеви, начиная с 9 в., создавались *фахлавийāt* (*fahlavīyāt*, также *ūrāmanān*) — стихи на местных диалектах. Богатая традиция «пехлевийских песен», генетически связанная с творчеством парфянских сказителей-госанов и сасанидских менестрелей, на протяжении многих веков сосуществовала с поэзией на классическом персидском языке, но оставила немного письменных свидетельств. О живом «пехлеви» как языке «альтернативной» поэзии и упоминаниях о нем в поэтологических трактатах 13–14 вв. и пойдет речь в докладе.

Natalia Yu. Chalisova

(IOCS NRU HSE)

**What's in a name,
or the term *pahlavī* in contexts and translations**

Keywords: Pahlavi; Middle Persian literature; Persian classical poetry

Over the course of more than two millennia, the term *pahlavī* has acquired many meanings in the culture of Iran, from the original linguonym and ethnonym to the name of a classical music melody, and much later, to the last Shah dynasty, a gold coin, and a headwear. Etymologically derived from *pahlav* ‘Parthian’, this term was fixed not as a designation of Parthian proper (Iranian language of the northwestern group) but as a definition of Sasanian literature or Pahlavi book literature. It was written in the Middle Persian language (*pārsīk*, language of the southwestern group) and mostly in a script dating back to the Parthian *pahlavik*. In Muslim times, the term *pahlavī*, along with a set of connotations referring to Iranian antiquity, takes on additional meaning. In Arabic writings, and later in Persian, it starts to designate the local dialects of Pahlav region (Isfahan, Rey, Hamadan, Nahavand and part of Azerbaijan). Poems in local dialects (*fahlavīyāt*, also *ūrāmanān*) have been composed in this Pahlavi since the 9th century. Rich *fahlavīyāt* tradition, genetically connected with the songs of Parthian *gōsans* and Sasanian minstrels, coexisted with poetry in classical Persian for many centuries, but left little written evidence. The report will consider living and spoken ‘Pahlavi’ as the language of ‘alternative’ poetry, as well as references to it in poetic and literary treatises of the 13th–14th centuries.

Е. А. Юдицкая

(ИБ РАН)

Ремарка *ityardhokte* (досл. «так сказано наполовину») в классической санскритской драме

Ключевые слова: классическая санскритская драма; речевой сбой; *бхрама*; древнеиндийская теория драмы; *ardhokti*

Ремарка *ityardhokte* довольно часто встречается в классической санскритской драме. Мы ее видим в пьесах любого жанра и любого времени. Персонажи самого разного рода оказываются в ситуации, когда их речь вынуждено обрывается на полуслове. Это происходит как с главными героями, так и с героями второго плана и с эпизодическими. Никакой взаимосвязи между личными качествами героя или его социальным положением и эпизодами с прерванной речью по текстам санскритской драмы не прослеживается. Скорее, прерванная речь — это указание на определенное психоэмоциональное состояние персонажа. Такое состояние, при котором персонаж, забываясь, теряет контроль над собственной речью и действиями. В сюжете пьес для передачи этого состояния используется определенный мотивный комплекс, уже достаточно полно разработанный в более ранних литературных формах (например, в пракритской поэзии). Речь идет о разного рода оговорках, ослышках, «проговорах», путанице в словах и прочих произвольных речевых ошибках. Эти ошибки довольно часто приводят к остановке речи персонажа и, соответственно, маркируются в пьесах ремаркой *ityardhokte*. В то же время прерванная речь может быть рассмотрена и в качестве отдельной формы, дополняющей вышеперечисленный ряд, который, в свою очередь, может быть расширен за счёт включения в него таких типов речи, как речь безумного, речь спящего и даже речь ребенка. Помимо того, что анализируемые нами «высказывания наполовину» (*ardha-ukti*) могут быть рассмотрены в контексте феномена незавершенного в литературе, они также

являются проявлением характерной для индийской драмы поэтики нарушения, связанной с включенными в индийские поэтологические трактаты понятиями *бхрама* и *бхранти* (ошибка восприятия, заблуждение, замешательство). Наряду с другими случаями речевого сбоя, прерванная речь в классической санскритской драме — это особый элемент ее структуры, высвечивающий для нас ее специфику.

Ekaterina A. Yuditskaya

(IOS RAS)

***Ityardhokte* (lit. ‘thus half-said’) as a stage direction in classical Sanskrit drama**

Keywords: classical Sanskrit drama; speech errors; *bhrama*; ancient Indian dramatic theory; *ardhokti*

Ityardhokte is a quite common type of stage directions in classical Sanskrit drama. It can be found in plays of all periods and genres. Characters of all kinds find themselves in a situation when their speech is forcedly interrupted in mid-sentence. This happens with main characters as well as with second-plan and episodic ones. There is no correlation between personal qualities of a character, his or her social position and episodes with interrupted speech in texts of Sanskrit drama. Interrupted speech is rather an indication of a character’s certain psychoemotional state. In such a state a character loses control over his or her words and actions. To convey this state in plays, a certain motif complex is used, which has already been quite fully developed in earlier literary forms (e.g., in Prakrit poetry). Here we are talking about various sorts of tongue slips, mishearings, word confusion and other involuntary speech errors. These errors quite often lead to a stoppage in the character’s speech and are accordingly marked as *ityardhokte*. At the same time, interrupted speech can also be considered as an independent type of a speech fault, in addition to the above-mentioned. The variety of these faults can be extended by

including such types of speech as a madman's speech, talking in sleep, and even child speech, all of which function alike in Sanskrit drama. Besides the fact that such "half-utterances" (*ardha-ukti*) can be analyzed in context of the incompleteness phenomenon in literature, they are also an example of the poetics of disruption that is very common within Sanskrit drama and associated with such concepts as *bhrama* and *bhranti* (perceptual error, illusion, confusion). The latter are included in Indian poetological treatises. Along with other cases of speech errors, interrupted speech in classical Sanskrit drama is an important element of its structure that highlights its specifics.

* * *